Михаил
Радуга

Тайна Элизабет

Михаил Радуга
Тайна Элизабет
Серия «Школа Радуги»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27822672
Михаил Радуга. Тайна Элизабет: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-098185-4

Аннотация

Доблестные рыцари и кровожадные мутанты, преданная любовь и убийственная страсть, всепоглощающая месть и непредсказуемые приключения, удивительные люди и невероятные способности, странная война и загадочная принцесса, мучительные тайны и неожиданные потрясения – все это и многое другое ждет вас в фантастическом произведении Михаила Радуги.

Содержание

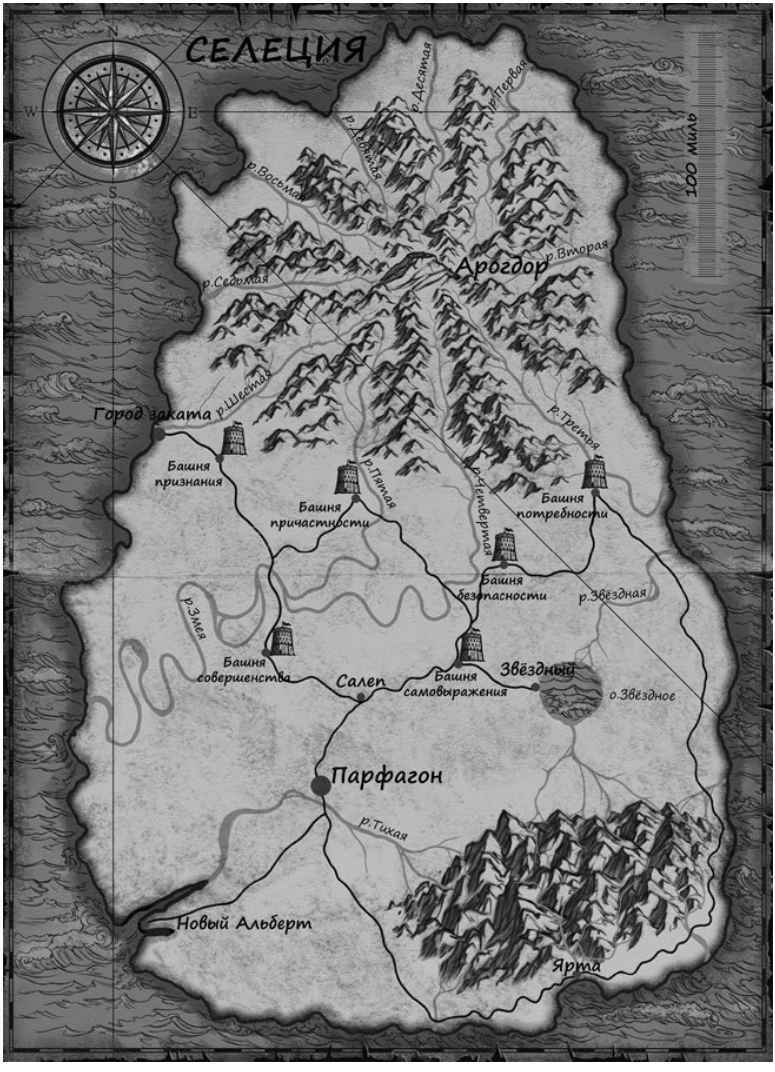
Глава 1 7
Глава 2 61
Глава 3 124
Конец ознакомительного фрагмента. 171

Михаил Радуга
Тайна Элизабет

Иллюстрации *Андрея Гудкова*

© Издательство АСТ, 2016
© Михаил Радуга, текст, илл., 2016

* * *


СЕЛЕЦИЯ
N
W
E
S
100 миль
р.Десятая
р.Первая
р.Девятая
р.Восьмая
р.Вторая
Арогдор
р.Седьмая
р.Шестая
Город заката
р.Третья
Башня признания
р.Пятая
Башня причастности
р.Четвертая
Башня потребности
Башня безопасности
р.Звёздная
р.Змея
Башня совершенства
Салеп
Башня самовыражения
Звёздный
о.Звёздное
Парфагон
р.Тихая
Новый Альберт
Ярта

Глава 1
Трагедия под Салепом

Сизый голубь приземлился на аккуратную плетеную изгородь у небольшого деревянного дома с соломенной крышей и своим острым клювом заботливо приступил к чистке перышек на крыльях и груди. Посреди ухоженного двора стояла запряженная гнедой лошадью телега, возле которой суетились двое босых ребятишек в рассчитанных на вырост длинных мешковатых туниках, и невысокий мужчина в потертой кожаной куртке. Всю ночь накрапывал благодатный дождь, и теперь, когда взошло теплое весеннее солнце, все принялись за свои насущные дела. Однако утренние процедуры несчастного голубя были внезапно прерваны коварной стрелой, пролетевшей буквально в дюйме от взъерошенной головы испуганной птицы, стремительно метнувшейся к небу с характерным урчанием.

– Мазила, мазила! – звонко закричала радостная девочка, пытаясь догнать несчастного голубя под задорный лай своего черного щенка.

– Больше практики, Томас, – тепло похлопал по плечу своего сына коренастый шатен с простыми деревенскими чертами лица. – Потом будет лучше получаться.

– Погоди…

Отважный юный охотник не сдавался и изо всех сил снова натянул льняную тетиву простенького лука из прута ясеня, но, выпустив одну стрелу, также безуспешно выпустил и вторую в далеко улетевшую к этому моменту потревожен-

ную птицу. Он был на два года старше своей взбалмошной трехлетней сестры Ирэн, которая была как две капли воды похожа на него, если бы не разница в возрасте. Они оба росли крепкими детьми с длинными каштановыми волосами и зеленовато-карими глазами, но если спокойный мальчик по натуре своей был слишком сдержан, что сразу угадывалось по кроткому задумчивому взгляду, то веселая девочка никогда не сидела на месте и так и норовила сотворить что-нибудь эдакое.

Их увлеченный хлопотами отец, умелый охотник и рыбак, аккуратно складывал в промокшую телегу свою ценную добычу: внушительную связку сушеной рыбы, две лисьих и охапку заячьих шкур, а также целую тушу молодого оленя. Он готовился совершить свою еженедельную поездку на рынок в ближайший город Салеп, где намеревался выручить за свой достойный товар хотя бы пятнадцать серебряных монет или удачно обменять его на другие нужные для его семьи продукты и вещи. При этом четверть всего груза следовало отдать в виде дани для повседневных нужд и неприступной защиты великого Парфагона, чьим обширным территориям принадлежало их небольшое село и ближайший город. Не считая холодного и тревожного вулкана, дружное королевство занимало всю южную часть прекрасной Селеции, одиноко простирающейся в бескрайнем, всегда бушующем море с нагоняемыми ветрами то с запада, то с востока сокрушительными волнами.

– Мама ушла стирать и будет к обеду, – садясь на телегу, указывал своим детям охотник. – Томас!

– Да, пап.

– Остаешься за главного.

– Папулечка, обещаю, не буду обижать блатика! – опередила укоризненные наставления своим звонким и тоненьким голоском хитрая Ирэн, осторожно держа в пухленьких ручках ласкового щенка, который, быстро виляя маленьким хвостиком, пытался вылизать все ее довольное и широкое лицо.

– Ну, конечно! Я за себя не отвечаю на этот раз.

– Томас! Она же совсем еще маленькая, – охотник взглянул своим добрым взглядом на своего любимого сына и, нежно потрепав его по лохматой голове, заботливо добавил: – Я на тебя надеюсь.

– Хорошо, пап, – смущенно улыбаясь, смиренно ответил Томас, хотя непоседливая девочка уже оставила в покое собаку и теперь нагло пыталась отобрать его любимый самодельный лук, вцепившись острыми зубками в плечо и громко рыча.

Раздался легкий хлопок вожжей, скрипучая телега тронулась с места и веселые брат с сестрой, постоянно спотыкаясь и падая, радостными возгласами проводили рассмеявшегося отца через все их небольшое село. Целых полдня они были предоставлены сами себе – большего счастья юным сорванцам и не представить! Особенно это приводило в безудерж-

ный восторг Ирэн: теперь никто не сможет ее остановить бесконечно докучать своему старшему брату, который, в силу доброты душевной и любви к ней, никогда не мог поставить ее на место.

Когда счастливые дети бежали обратно к дому, то и дело, останавливаясь что-то откопать в слякоти дороги или напакостить у чужих изгородей, они встретили на центральном перекрестке плачущую пожилую соседку-ткачиху в бежевом платье с красным подолом и ярким цветастым платком на голове. Им стало любопытно, почему она горюет, и они решили тут же это выяснить:

– Тетушка, почему вы плакаете! – взволнованно окликнула женщину Ирэн, – что случилося такое?

– Вас кто-то обидел? – спросил Томас.

Однако растроганная женщина по какой-то причине громко засмеялась и начала назойливо обнимать и целовать отпрысков охотника, вытирая слезы на своем сияющем лице. У нее никогда не было своих детей, поэтому она испытывала глубокие чувства каждый раз, когда видела этих прекрасных ребятишек из соседнего двора или даже просто думала о них.

– Не волнуйтесь, мои сладкие, – начала она объяснять. – У нас праздник!

– Да что вы говолите! – выпучила глазенки Ирэн.

– Нам папа ничего не говорил про праздник.

– У нашего любимого короля Альберта родилась дочь и теперь у нас есть принцесса. Говорят, красивая, словно ан-

гел. Радости-то сколько!

– Плинцесса? Ого-го!

– Сообщите всем, мои хорошие!

Несмотря на удивительную важность события, насупившийся Томас большой радости не испытал, хмуро глядя вслед быстро уходящей соседке. Хотя упоминание принцессы привело его к странным тягучим ощущениям в груди, он хорошо понимал, какой сильный натиск ему предстояло пережить в самое ближайшее время. И не ошибся:

– Невеста, невеста! – завизжала его сестра, прыгая на месте и размахивая руками во все стороны. – Мы нашли тебе невесту!

– Отстань ты.

– Жених, жених!

– Да если все девочки такие же, как и ты, то я вообще никогда не женюсь! Больно надо!

– Ну, и дулак. Это ж целая плинцесса. Целая!

Дойдя в изнурительных спорах до своего небольшого двора, брат и сестра развлекали себя как могли. Они играли то со своим неугомонным пузатым щенком, то с потревоженными, истошно хрюкающими свиньями, то со скудными деревенскими игрушками в виде самодельных деревянных кукол, стреляли из лука по мишеням из кухонной утвари на изгороди. Однако уже через четверть часа им все это смертельно наскучило, и они решили искупаться, а заодно и проведать свою маму. Тем более для того, чтобы добраться до ис-

точника, нужно было преодолеть всего лишь два небольших лесочка и поле с подсолнухами между ними, что довольно быстро и весело было пройдено в очередных спорах о будущей невесте.

Перед босыми малышами предстал залитый солнцем холмистый и вытянутый болотистый луг, с краю которого находился каменистый и слегка бурлящий ключ. Прозрачный ручей почти пополам разрезал пахнущую свежей травой и сыростью территорию, образуя два небольших озерца, больше похожих на глубокие лужи. У самого большого водоема их заботливая мама, как и еще несколько хорошо знакомых женщин из села, усердно полоскала скромную одежду и постельное белье. Она была молодой женщиной красивой полноты и взором безмерной сердечной теплоты. Именно ее каштановые волосы и зеленовато-карие глаза как в волшебном зеркале отражались в ее неразлучных детях. Одетая в простое подпоясанное льняное платье и чепчик, она долго смеялась своим нежным голосом, услышав весть о рождении принцессы и о том, что у нее уже есть жених.

– Это ж надо, как ты все ловко придумываешь, доча! – удивилась она. – Но невесту придется в другом месте искать.

– Почему? – вдруг предательски вырвалось у Томаса.

– Ага, попался! – взвизгнула Ирэн и столкнула его в воду.

– Эта нам не чета, Томас. Мы простые селяне, – объясняла женщина, пока ее дети брызгались в воде. – И они живут по другим правилам. Они… Они другие, милый.

– Так это правду о них говорят?

– Сложно объяснить. Вырастешь, сам все поймешь.

– Мам, а плавда, что они там все очень класивые, и у них там балы? – с любопытством спросила закружившаяся Ирэн, неуклюже изображая бальный танец по колено в воде.

– И что живут во много раз дольше нас? – добавил Томас.

– Ого-го! Плавда?

– Это все не важно, дорогие мои. И нам туда все равно нельзя. Да и счастье у нас другое, свое. Поверьте мне, здесь не хуже, чем в столице.

Вдруг обеспокоенные женщины обратили внимание на небо за верхушками деревьев. Где-то на юге, приблизительно со стороны Салепа, виднелся черный столб дыма. Затем появились другие столбы, словно гигантские ядовитые грибы, быстро растущие в глубине леса. Сердце заботливой матери учащенно забилось, и она предельно строгим голосом отправила своих удивленных отпрысков домой, а сама стала энергично достирывать вещи, напряженно обсуждая происходящее с взволнованными соседками.

* * *

Томас не понимал, что происходит, но он точно знал, что должен, во что бы то ни стало, добраться до дома вместе со своей маленькой и еще глупой сестрой, у которой из головы никак не выходила любопытная история про новорожден-

ную принцессу и странных людей Парфагона. Она действительно не понимала, почему так распереживались взрослые из-за такого красивого и необычного дыма.

Однако, быстро пробежав ближайший лес и оказавшись на полном молодых подсолнухов душистом поле, они увидели леденящее душу зрелище. Поперек их пути беспорядочно бежали люди. Много людей. И старики. И взрослые. И дети. Кто-то кричал. Кто-то плакал. Кто-то держал в руках сундуки и свертки, а одна убитая горем женщина в прожженном сером платье несла на руках обмякшее тело грудного ребенка и рыдала. У многих была порвана одежда. У кого-то виднелись следы крови. Всех их объединяло одно: животный ужас в глазах и всепоглощающая бесконтрольная паника.

Они бежали с юга, из Салепа, куда беззаботные Ирэн и Томас проводили своего доброго отца. Маленькая девочка испуганно сопереживала пробегающим мимо людям, хотя и не связывала происходящее со своим родителем и уж тем более с самой собой, в отличие от старшего брата, у которого затряслись руки и ноги.

Потеряв дар речи и способность двигаться, они целую минут наблюдали происходящее. Наконец, осознав, что нужно что-то срочно делать, Томас очнулся. Крепко схватив за руку изумленную Ирэн, он побежал через истоптанное поле в сторону дома. Безумный поток спасающихся людей был столь напуган, что ни один из них даже не обратил внимания на пробегающих мимо них беспризорных сельских детей. По-

ложение усложнялось тем, что Ирэн стала постоянно спотыкаться и падать буквально на ровном месте. К этому моменту она сама начала понимать, что происходит нечто жуткое, и потому ее маленькие толстенькие ножки едва ее слушались, постоянно заплетаясь друг за друга.

– Вставай, вставай! – отчаянно кричал Томас, когда девочка в очередной раз споткнулась. – Давай же!

– Встаю, – лишь успела ответить Ирэн, как снова упала.

– Ну, что ж ты такая неуклюжая!

Все же, перебежав беспокойное поле и оказавшись в темном влажном лесу, через который шел путь до спасительного дома, Томас побежал не протоптанной сельскими жителями извилистой тропой, а напрямую, чтобы сократить драгоценное время. От этого Ирэн еще больше спотыкалась и постоянно путалась в длинных ветках колючих кустарников. Но, несмотря на боль и многочисленные ссадины, она нисколько не плакала, а упорно пыталась молчаливо бежать дальше, то и дело с любопытством и волнением поглядывая на напряженное лицо своего раздосадованного ее медлительностью любимого брата.

Намучившись, дети все же выбрались из сырого леса и стремительно добрались до своего двора хорошо знакомыми тропами и улицами. Первым делом Томас спрятал маленькую Ирэн в стоге душистого сена в дальнем конце огорода с длинными грядками молодой моркови и капусты, а сам побежал дальше в сторону дома. При этом он обратил внима-

ние, что по неизвестной причине совсем не чувствовал усталости, будто внутри него открылся источник дополнительной силы.

– Ты куда? – взволнованно окликнула его сестра.

– Сиди там и не выглядывай. Поняла?

– Мне стлашно очень, – плача, прошептала девочка и снова спрятала головку в сене.

– Я скоро!

Оказавшись у дома и найдя на крыльце свой самодельный лук со стрелами, запыхавшийся Томас столкнулся со сложной дилеммой: бежать в город за отцом или обратно к матери? В его голове не было варианта остаться дома и ждать. Несмотря на совсем юный возраст, мальчик не воспринимал себя ребенком. Отец приучил его принимать решения и нести ответственность, часто оставляя один на один с непоседливой сестрой и все чаще забирая с ночевкой на охоту или рыбалку. Именно пример отца, его решительность и контроль над любой даже самой сложной ситуацией подтолкнули его сына к необходимости дальнейших действий.

Более беззащитной ему показалась бедная мама, которая ничего не знала о пробегавших в панике людях. Все еще не чувствуя усталости, Томас тут же снова побежал к источнику. Вновь пробегая душистое подсолнечное поле, он все еще видел перепуганных людей, хотя их стало гораздо меньше. А когда он добрался до болотистого луга, его ждало удивление и разочарование: мать и другие женщины исчезли. Их

корзины с опрокинутым в грязь бельем были беспорядочно разбросаны у водоема, часть недостиранной одежды лежала прямо в воде и уплывала вдаль медленным течением, а на горизонте уже все небо покрылось черной стеной уходящего ввысь дыма.

– Мама! Мама! – громко крикнул испуганный мальчик, сложив руки рупором у губ. – Мама, ты где?!

Он не знал, что разминулся с ней еще в лесу возле дома, вновь срезав путь по оврагу, и ему ничего не оставалось, как отправиться обратно. Вновь пробегая злосчастное поле, он заметил, что спасающихся людей стало совсем мало. В основном, это были немощные старики и раненные, которые просто не могли быстро передвигаться и часто падали. Также среди них были те, кто из последних сил тащил с собой слишком много вещей, рискуя жизнью ради своих скромных богатств в наспех набитых мешках и тюках. Тут и Томас начал чувствовать усталость, но старался не обращать на нее внимания.

Вскоре, вернувшись к дому, он сразу проверил стог сена, в котором оставил свою непоседливую сестру, но там уже никого не было.

– Ирэн! Мама! – закричал Томас, растерянно оглядываясь по сторонам. – Где вы все?! Мама!

С одной стороны ему стало совсем жутко. Да так, что внутри живота все сжалось и напряглось, а ноги задрожали. С другой стороны, он догадывался, что сестра должна быть

уже с матерью и с ней, скорее всего, все хорошо. Но где они? Забежав в дом, Томас никого не обнаружил и потому снова вышел на проселочную улицу:

– Ма-ма! И-рэн! – прокричал он во все четыре стороны, но никто не отозвался, будто село полностью опустело.

Мальчик забежал в ближайший двор, но тоже никого не обнаружил. Потом он вспомнил про плачущую ткачиху и побежал в ее дом, но и там никого не было. Окликнув несколько раз своих близких, он вернулся на улицу. Только теперь он окончательно понял, что отныне вокруг вовсе никого не было, будто жители покинули село бегством, как и те испуганные люди, что перебегали подсолнечное поле.

Поняв, что остался совершенно один, он направился в сторону устрашающего Салепа. Хотя дорога вела в сторону загадочной опасности, она давала ему надежду встретить бесстрашного отца, который непременно решит все проблемы. По большому счету, мальчик просто не знал, что еще он мог сделать. Теперь он всего лишь хотел встретить хоть кого-то из своих близких.

Выжимая из себя последнее, взволнованный Томас бежал по извилистой и ухабистой дороге в ароматном хвойном лесу по направлению к зловещему черному дыму в небе. Теперь и он стал часто спотыкаться на ровном месте, а его взбудораженное сердце, казалось, вот-вот выскочит из маленькой детской груди.

– Ты куда?! – крикнула ему бежавшая навстречу пожилая

заплаканная женщина с соседней улицы. – Стой же!

– Вы видели папу? – ловко увернулся от ее рук Томас.

– Беги обратно! Где твои мама и сестра?

Но Томас уже не слышал ее. Он снова бежал и бежал вперед, уже весь грязный и замученный, запыхавшийся и потерянный, не чувствуя ни времени, ни ног, ни тверди под ними. В какой-то момент он в очередной раз споткнулся и с шумными брызгами упал лицом вниз в огромную холодную лужу, намочив прилипшие к лицу длинные волосы, выронив из рук свой игрушечный лук и распугав жирных головастиков. Не в силах встать, он лишь смог немного приподняться на колени и снова упал, хлебнув взбаламученной воды полным ртом. Совершенно неожиданно в этот момент его схватили некие сильные руки и уверенно закинули на чье-то плечо. Знакомый солоноватый запах мгновенно успокоил потерявшегося малыша, и он тут же провалился в затягивающую темноту под ритмичные покачивания бегущего отца.

* * *

– Блатишка… Блатишка… – услышал Томас словно издалека.

Сквозь веки он почувствовал кромешную тьму. При этом холод и сырость обволакивали тело с головы до ног, а ощутимый запах старых и затхлых овощей наполняли нос и рот. Мамины теплые руки гладили его по голове, лежащую на ее

мягких ногах. На его груди лежала бормочущая себе под нос Ирэн, а взрослые напряженно и тихо обсуждали последние новости:

– Не буду говорить, что я видел. Тут дети, – говорил голос отца. – Но это точно мутанты Арогдора. Все снова повторяется.

Томас в своей жизни редко слышал слово «мутант» и потому не совсем понимал о чем речь. Единственное, он знал, что это некие жуткие чудища и в этом нет ничего хорошего. А вот про Арогдор он знал хорошо. Хотя взрослые редко произносили название этого места, среди детворы было принято пугать им друг друга. Зловещее государство находилось на вершине вулкана, который в ясную и прохладную погоду можно было рассмотреть строго на севере. Так как оттуда всегда шел дым, особенно зимой, Томас считал, что там в расплавленной лаве живут те самые чудовища в виде огромных огненных пауков. С этим все время спорила Ирэн, убеждая, что там живут почти обычные люди. Обычные, но без голов. И если туда попасть, то придется тоже жить без головы, что, по словам смышленой девочки, должно быть, не так легко, и, вероятно, создавало массу неудобств.

– А как же король? – спросила ткачиха, судя по голосу. – Где войска Парфагона?

– Я никого не видел. Там были только сборщики дани. Эти чертовы красавцы, сносящие головы всем нашим бабам. От них толку мало.

– Похоже, что-то неожиданное, – предположил некий знакомый мужской голос.

– А ведь когда-то за мной ухаживал один такой, – мечтательно произнесла пожилая женщина. – Было время!

– Сборщик дани? Не ври, – произнес все тот же мужской голос. – Хоть ты была и красивой бабой, но для них ты все равно страшна как бегемот.

– Правда!

– Не придумывай! Еще и дура.

– Что же нам делать теперь? – перебила спор мама Томаса.

– Либо бежать, либо дожидаться рыцарей, – стал объяснять отец. – Бежать опасно, так как мы не знаем, куда можно бежать. Никто ничего не знает, а мутанты могут быть везде. Салеп ведь ближе к Парфагону, чем мы. То есть, мы отрезаны.

– Остается ждать? Здесь?

– Мы не знаем, когда это закончится. А если Парфагон поражен и уже никакой армии не будет? Одно могу сказать точно: мы не должны попасть в руки мутантов. Это будет конец всему. Вы не представляете, что они делают!

Услышав эти слова, Томас почувствовал странную трансформацию внутри себя. Вдруг все, что существовало в его короткой жизни, ушло на второй план или совсем исчезло. Все стало неважно и незначительно, растаяло как лед на июльском солнце. Взамен появилась только одна ценность – просто жизнь, когда можно быть вместе со своими близки-

ми. Не важно, где и как, но быть всем вместе. Главное – продолжать чувствовать нежные руки заботливой матери, звонкий голос веселой сестры и добрый взгляд умного отца. Все остальное стало не важно, когда все главные ценности вдруг оказались под неведомой угрозой, напугавшей даже взрослых, даже его храброго и сильного отца, который, как всегда раньше казалось, вовсе не способен испытывать страх.

Взволнованный Томас открыл глаза и заплакал, не сдержав нахлынувшие чувства. Приподнявшись, он крепко обнял мать и огляделся. Они сидели при очень тусклом свете свечи в чьем-то погребе. Вокруг были насыпаны небольшими горками прошлогодние сморщенные овощи, в основном, редька, капуста и морковь, а у стены аккуратно поставлены глиняные горшки и кувшины, очевидно, с ценным зерном и мукой.

– Блатишка! – обрадовалась Ирэн.

– Как ты себя чувствуешь? – забеспокоилась мама, но ее тут же успокоил отец:

– Просто перенапрягся. Дайте ему воды и покоя.

– Так что нам сейчас делать? – спросил старый плотник с проплешиной на голове, одетый в измазанную грязью расстегнутую рубаху, черные штаны и такие же, как у всех селян, коричневые кожаные башмаки на ногах. Именно его голос сначала не узнал Томас.

Отец низко наклонил голову и задумался. Только сейчас малыш обратил внимание на кровавые пятна на его серой

рубахе, и что на руках и лице виднелись глубокие ссадины. При тусклых отблесках свечи была заметна опустошенность, даже какая-то обреченность в его глубоких глазах. Его любимая кожаная куртка согревала плечи матери и частично прикрывала маленькую Ирэн, которой приходилось хуже других.

– У нас, конечно, есть оружие, – указал он своим охотничьим ножом на арбалет и топор, стоящие в углу погреба. – Но это нам не поможет.

– Я могу еще найти что-нибудь, – предложил плотник.

– Нет. В этом нет смысла! – неожиданно повысил голос отец Томаса. – Даже всем селом мы не смогли бы справиться всего лишь с одним раненым и ослепшим мутантом. Они наверняка не пройдут мимо нас, и потому нужно тщательно подготовиться.

– Сколько у нас есть времени?

– Не знаю. Чтобы разграбить Салеп и все поселения между нами, у них уйдет еще несколько часов.

– Может, нам все же нужно бежать? – почти плача предположила ткачиха. – А?

– Куда? Мы отрезаны от Парфагона, а до Башни совершенства или Башни самовыражения целый день пути.

В этом отец Томаса был полностью прав. Атака мутантов оказалась самой масштабной и неожиданно глубокой за многие годы. Как обычно, ее целью было нанести максимальный урон снабжающей территории неприятеля и пополнить

свой запас малолетними детьми, будущими мутантами или обычными гражданами. Собственная рождаемость в Арогдоре была на недостаточном уровне, чтобы компенсировать потери в постоянных войнах с Парфагоном и от высокой смертности.

Также Варнеру Эйзенбергу, многолетнему и жесточайшему предводителю примитивного государства на вулкане, плохая экономическая составляющая правления не позволяла производить достаточно пищи и любой другой продукции. А ведь мощь его армии, каждого мутанта в отдельности, упиралась лишь в количество потребляемой еды. Поэтому совершать такие набеги на врага было просто жизненно важно для самого Эйзенберга и возглавляемого им государства. Именно поэтому его полководец и безжалостный генерал Айвор Джавер совершил внезапную атаку, дерзко отрезав всю северную сторону территорий мирного и цивилизованного Парфагона. Стояла цель полностью опустошить эти земли и восполнить дефицит ресурсов. Также имелась надежда, что беспрецедентная по жесткости операция обескровит короля Альберта Третьего, и все его королевство окажется под угрозой существования.

Посоветовавшись друг с другом, обеспокоенные взрослые решили все же оставаться на месте, попытавшись максимально обезопасить себя в случае вхождения мутантов в родное село. Было решено прятаться в этом же погребе, так как он находился в единственном кирпичном здании селе-

ния, принадлежавшем известному на всю округу мастеровитому кузнецу Максу Ланку. Тот, судя по всему, поддался общей панике и бежал в неизвестном направлении. Другие деревянные дома выбирать не стоило, так как армия генерала Джавера всегда сжигала все, что только можно. Этот двухэтажный кирпичный дом они тоже легко разрушат, но зато существовал шанс оказаться живыми в погребе и потом выбраться из него наружу. Кроме того, насыщенный смрад попорченных овощей мог спасти от по-животному острого обоняния мутантов, которым они легко выискивали своих жертв по запаху человеческой плоти.

Пока имелось время, следовало максимально подготовиться к приходу врага, у которого не должно остаться причин задержаться в их небольшом селении. Согласно слухам, для этого нужно избавить его от всех преследуемых целей, поэтому взрослые мужчины вылезли из погреба и пошли сами поджигать все окрестные дома, уже давно в панике покинутые односельчанами. Перед тем, как совершить каждый поджог, они выпускали из загонов и амбаров скот и птицу, чтобы те разбежались от рук мутантов, и сохранялась надежда хоть кого-то найти потом, когда все наладится. Если это произойдет, конечно.

Тем временем обеспокоенные женщины суетились обеспечением более насущных проблем для укрытия. Например, следовало найти много одежды и тряпок, чтобы не околеть за ночь в холоде подземелья. Также следовало собрать как мож-

но больше еды, воды и свечей. Поскольку село было относительно зажиточное, всего этого добра находилось предостаточно практически в любом жилище. В итоге, собрав все необходимое в большие мешки, они уже подходили к порогу дома кузнеца по выложенной от изгороди каменной дорожке, когда обе измученные женщины вдруг кинулись друг другу в объятия. Простояв так минуту, они вытерли слезы с покрасневших глаз и снова пошли к дому кузнеца. Тусклое солнце уже начинало садиться, и это была последняя вылазка за провизией. Однако на улице не темнело. Горящие с треском дома освещали и согревали небольшие улочки. Свиньи, коровы, лошади, бараны, кролики и куры разбегались во все стороны, но многие оказавшиеся на свободе животные не знали, куда бежать и потому оставались на безопасном расстоянии от полыхающих, но привычных для них домов и загонов.

Подойдя к погребу и заглянув в него, ошарашенные женщины в ужасе обнаружили, что ни Томаса, ни Ирэн в нем нет. Также они не нашли их и в доме. Выйдя на улицу, ткачиха попыталась позвать их по имени, но внезапно откуда-то сбоку выскочил плотник, который заткнул ей рот руками и повалил на землю. Вместе с отцом Томаса они потащили ее ползком по земле в дом, где точно также повалили на пол вторую женщину, которая пыталась закричать и вырваться, но цепкие руки мужа изо всех сил сдерживали ее отчаянные порывы и упрямо тащили в сторону погреба.

Затащив находящихся в истерике женщин вниз, мужчины кинули следом их мешки с провизией и спустились сами. Быстро сообразив, что детей нет на месте, решительный отец Томаса шепотом обратился к плотнику:

– Лезь вниз и будь с ними. Я попробую найти сына и дочь.

– Сам только не попадись!

Используя все свои навыки бесшумного охотника, доблестный мужчина, где ползком, где на корточках вышел из дома кузнеца и обошел ближайший периметр, но был вынужден срочно возвращаться в погреб, так как чуткие мутанты уже находились в соседних дворах. Со слезами на глазах и в полном отчаянии он постучался в дверцу погреба в полу посреди кухни и живо ввалился вниз, как только ее открыли. Его жена не теряла надежду до последнего, но увидев растерянного мужа одного, ей осталось лишь крепко прижаться к нему и зарыдать в грудь.

За пять минут до этих событий Томас в полудреме почувствовал, как Ирэн зашевелилась и отошла от него. Сначала он не придал этому значения, но вскоре озадаченно обратил внимание, что уже совсем не слышит ее бесконечного бормотания и непоседливых движений. Открыв глаза, он к своему ужасу обнаружил, что находился в погребе совершенно один и потому тут же выбрался наружу, чтобы найти глупую сестру. Она уже как неделю буквально не отходила от привезенного из Салепа щенка, и поэтому Томас хорошо знал, где ее искать.

Он догнал Ирэн у калитки, где она с открытым ртом смотрела, как полыхает и потрескивает в слепящем ярком пламени родной дом:

– Песик!

– Пойдем обратно! Тебе кто разрешил уходить?

– Мне нужен Пузанчик!

– Он убежал или его забрали соседи.

– Плавда?

– С ним все хорошо.

– А кукла?

Деревянная игрушка в белом платье одиноко лежала на крыльце, которое хоть еще и не полыхало, но достать куклу не представлялось возможным из-за невыносимого и жуткого жара от горящих толстых бревен дома.

– За мной, быстро! – скомандовал Томас, схватив Ирэн за руку, но та упрямо не хотела идти:

– Кукла! Ей больно.

– Сестричка любимая, я тебе еще куклу сделаю потом, – почти со слезами на глазах умолял ее брат. – Пойдем?

Но упрямая девочка, не понимая происходящего, напрочь отказывалась идти, с пронзительным визгом цепляясь пухленькими ручонками за плетеную изгородь, роняя с нее черепки и сырые шкуры недавно разделанных животных. Томас понял, что у него есть только один выход. Несмотря на то, что огонь уже был на крыльце и почти подобрался к злосчастной кукле, он осторожно подбежал к ней и, схватив ее

за ногу, вытащил из наступающего пламени, едва не подпалив свои длинные волосы. Затем вместе с обрадовавшейся Ирэн он торопливо побежал к кирпичному дому.

Вдруг Томас увидел вдали меж утопающих в пекле домов странное и непривычное движение на опушке леса, что примыкала к селу с юга. Недолго думая, он толкнул сестру на заросшую обочину дороги и сам упал рядом. Сквозь высокую траву и кусты они оба увидели то, что их сознание поначалу не могло воспринять. Это можно было сравнить с кошмарным сном, бредом сумасшедшего или больной фантазией. Но это происходило по-настоящему, словно привычного понятного мира больше не существовало, будто он – выдумка, которой, может, и вовсе никогда не существовало в природе. Такой парализующий и даже потусторонний страх вызвал у впечатлительных ребят первый настоящий мутант Арогдора, которого они к несчастью увидели в своей жизни.

Едва выехав из густого леса на странном широком коне, он остановился, осторожно разглядывая зрелище полыхающего села и тщательно внюхиваясь в воздух. Всполохи пламени освещали его невероятные габариты и потрясающее телосложение. Он был почти в полтора раза выше обычного человека, а его загорелое курносое лицо хоть и сохранило людские черты, но больше походило на звериное своей огромной выдающейся вперед нижней челюстью, массивными надбровными дугами, торчащими над верхней губой клыками и глубоко посаженными глазами. Огромное мускулистое те-

ло с широченной грудной клеткой было покрыто плотными темными наростами в виде сплошных щитков поверх каждой из мышц. Эта полноценная броня являлась неотъемлемой частью его тела, так как она росла на нем. При этом кожу между щитками покрывал короткий и такой же темный мех, который значительно упрощал жизнь в экстремальных условиях вулкана. Но больше всего детский разум был поражен двумя парами абсолютно равнозначных мускулистых рук и длинными темными дредами на голове.

Из одежды на мутанте красовались помятые кожаные сапоги и штаны, а также перекрывающие грудь крест-накрест ремни, держащие торчащие за спиной ножны для меча и колчан для стрел. Массивный ремень на поясе держал ножны с двумя кинжалами, а на седле крепился увесистый дубовый лук, чехлы разных размеров и завязанные мешочки с провиантом. Двумя нижними руками мутант опирался на фигуристую деревянную ручку на седле впереди себя, а две другие руки держали устрашающе длинный топор с окровавленным лезвием и такой же большой слегка изогнутый и широкий меч с длинной рукоятью.

Оглядевшись, мутант решил медленно подойти немного ближе к ярко полыхающим домам. И тут Томас и Ирэн увидели, что он сидел вовсе не на лошади, как им сначала показалось. Если про мутантов они хотя бы уже слышали, то про это создание под необычным громоздким седлом они вовсе ничего не знали. С одной стороны, они видели, что это суще-

ство также имело некоторые привычные черты. Взгляд у него был какой-то понятный, свой, человеческий, может быть, даже добрый. С другой стороны, оно было похоже на что-то среднее между буйволом и конем, только немного выше и массивнее в мышечной массе, полностью лишенной жировых отложений. Лоснящаяся кожа этого странного существа была почти голая, лишь местами покрытая темными короткими волосками, особенно на груди и животе. На нем не было никакой одежды, если не считать седла со свисающими с боков и сзади плотными тряпичными накладками красного цвета, местами прожженными и забрызганными высохшей кровью. У него также как и у его наездника, выпирала еще более массивная нижняя челюсть, было круглое загорелое лицо с низким лбом и длинными волосами, заплетенными в две свисающие с плеч косы. При этом его рукоподобные копыта смотрелись немного странно, и у него напрочь отсутствовал хвост, ведь это был челоконь – человек, мутировавший в подобие коня.

– Говолила тебе, это не пауки!

– Молчи ты, – фыркнул Томас, зажав рукой рот своей говорливой сестре, и ползком потащил ее в укрытие по влажной земле с мелкими камнями.

Оказавшись в спасительном доме кузнеца Макса Ланка, они подползли к дверце погреба на кухне и тихо постучались в нее. Но им не открыли до тех пор, пока зарыдавшая Ирэн жалобно не позвала маму в узкую щель между массивными

досками пола. Дверца тут же быстро приоткрылась и две пары мужских рук почти мгновенно затащила детей вовнутрь. Поддав детям крепких подзатыльников, взволнованные и обрадовавшиеся родители обняли их так крепко, как еще не делали этого никогда в жизни.

* * *

Дерзкие мутанты Арогдора, сидя на спокойных челоконях, постепенно и с подозрением заходили в опустевшее село с разных сторон. Их было всего два небольших отряда, около двух дюжин. Учитывая чудовищную боевую мощь каждого из них, этого было вполне достаточно для захвата и полного уничтожения небольшого города. Если, конечно, в нем не несли службу отважные рыцари Парфагона.

В сопровождении четырех мутантов из леса также выехал Айвор Джавер – полководец армии Арогдора, который всегда лично руководил жестокими рейдами против северных территорий неприятеля.

Внешне легендарный генерал был крупнее обычных мутантов и заметно выделялся среди них. Его всегда можно было легко узнать по умному и почти всегда обозленному взгляду, необычно толстым черным дредам, стальному шлему с широкими витыми рогами, а также кольчуге с блестящими стальными щитками под приятной глазу алой накидкой. В остальном он был похож на других массивных му-

тантов с клыками, наращенной темной броней, двумя парами рук и загорелыми лицами. Редкая целеустремленность и изуверская жестокость, помноженная на незаурядное мышление и отточенное умение контролировать свою мутацию, сделали из него невероятно успешного генерала, которого уже долгие годы не удавалось поймать или уничтожить страдающему от его рук Парфагону.

Пройдя вдоль улиц с горящими домами и собравшись на ярко освещенном пламенем центральном перекрестке, недоумевающие мутанты поприветствовали друг друга:

– Виват, Арогдор!

– Виват, Эйзенберг!

– Кто здесь работал? – спросил глубоким басом генерал, оглянувшись на грохот обрушившегося вдали дома.

– Похоже, это местные, – ответил старший мутант, которого отличали от других красные повязки на плечах. – Снова.

– Почему?

– Ресурсы не собраны, скот по улицам ходит…

– Понятно, – прервал рапорт раздраженный голос Джавера. – Ищите другое место.

– Нет необходимости. Пройдемте за мной.

Так получилось, что после напряженного и смертельно опасного дня полководец выбрал именно родное село Томаса и Ирэн, чтобы отдохнуть до утра. Логика состояла в том, что поселение было настолько мало, что разведка Пар-

фагона вряд ли бы искала генерала в такой дыре в случае внезапной контратаки или спецоперации по его поимке. Вся остальная варварская армия нападения, состоящая почти из тысячи мутантов, продолжала свою кровавую работу в сотне других обреченных поселений, где и оставалась на ночь разрозненными группами. В самом Арогдоре и на его территориях возле вулкана остались еще две большие группы воинов резервного и оборонительного назначения. Таким образом, общая численность боевых мутантов в руках Джавера была порядка двух с половиной тысяч, что, по меньшей мере, ровнялось тридцати или даже сорока тысячам обычных воинов. Учитывая концентрацию силы и скорость передвижения на челоконях, общая мощь армии Арогдора представляла собой невероятно страшную и разрушительную силу.

Мутанты выстроили оцепление вокруг дома кузнеца, единственного уцелевшего в поселении, а подоспевшая телега тыловой службы штаба подвезла провиант генерала и двух его подруг. Так как кровати были слишком малы даже для обычного мутанта, Джаверу постелили специальную перевозную мягкую постель прямо на полу спальни кузнеца, предварительно выбросив все ее содержимое в широкое окно. Для каждого арогдорца удобство сна и его количество были определяющим элементом успеха в жизни, поэтому данному вопросу уделялось так много внимания даже в боевых походах.

Наконец, все было готово к ужину. В центре кухни стоял

прочный стол, а в дальнюю стену была встроена кирпичная печь с уходящей в потолок толстой трубой, добротные шкафы с деревянными дверцами и полки с аккуратно разложенными чугунными сковородами, глиняными горшками, деревянными кружками, половниками и прочей разнообразной кухонной утварью. На стол поставили большое количество еды в огромных мисках. В основном это были приготовленные на огне поросята и куры, а также множество хлебных лепешек и питательная перловая каша с зеленым луком. Стол был рассчитан на ужин лишь четырех мутантов, хотя четыре обычных человека могли бы этим питаться несколько дней, а может даже и неделю.

На кухню вошли утомленные Джавер, старший воин и две хихикающие подруги генерала, блондинка и брюнетка, громко стучащие туфлями по полу. Последние хоть и не имели столь агрессивного вида как боевые мутанты, но и нормальными женщинами их нельзя было назвать. Они были высокими, тонкокостными, но при этом невероятно фигуристыми. При тонких коленях и талии, их упругие невообразимо пышные формы вовсю выпирали из длинных облегающих и без того открытых цветастых платьев. Их счастливые лица были удивительно похожи и странно привлекательны, хотя заостренные подбородки, огромные губы и совсем маленькие носики смотрелись неестественно. Можно было подумать, что они выглядели именно так, как мечтают выглядеть многие женщины, дай им возможность иметь тело на свое

усмотрение.

Молча усевшись за стол и жадно разглядев еду, боевые мутанты откинули свои длинные дреды за спину и, громко чавкая, начали жадно поглощать пищу, так как их тела всегда требовали много энергии и питательных веществ. Без этого им было невозможно сохранить свой устрашающий облик, ведь их внушительные размеры критически зависели от качества и количества питания. Это являлось их самым уязвимым местом, поэтому перебои с продуктовым снабжением и уж тем более голод могли стоить Арогдору поражения в многовековом противоборстве с самодостаточным Парфагоном.

Прямо под столом за происходящим наблюдали шокированные Томас, его сестра, их родители, а также пожилые ткачиха и плотник, едва живые от всепоглощающего ужаса. Они не только слышали звериное чавканье и хруст пережеванных костей, но и могли видеть часть помещения и всех присутствующих в нем в щелях пола, который едва выдерживал массивные тела мутантов, периодически поскрипывая, словно стоная от нестерпимого напряжения. Никто из выживших селян никогда в жизни не мог и предположить, что такое ужасное совпадение могло произойти. Из сотен поселений в охваченной атакой территории Парфагона кровожадный Джавер выбрал именно их родное и мало кому известное село, а прочный кирпичный дом вместо того, чтобы стать их верным спасением, в итоге до предела усугубил ситуацию,

почти похоронив их надежды на благополучный исход. Мутанты были всего в трех футах над их головами, что не могло не предвещать скорой беды.

Отойдя от первоначального шока, дрожащий Томас опустил испуганные глаза с потолка и сквозь почти полную темноту стал разглядывать присутствующих в погребе, освещенных лишь тусклыми полосами проходящего сквозь доски потолка отблесков свеч. Отец был взволнован и предельно сконцентрированно смотрел то в одну, то в другую полосу света. В его лице совершенно не было страха, в отличие от бедного плотника, который едва держал наготове топор своими трясущимися пальцами рук, и тоже смотрел вверх, практически не моргая. Ткачиха, сжавшись в комок, закрыв глаза и рот руками, спряталась в углу. Мама и Ирэн лежали на одеяле почти по центру, спрятав свои головы под большой мягкой подушкой, чтобы случайные возгласы беспокойной девочки не выдали их уязвимого укрытия.

– Да что же это за вонь?! – вдруг прорычал своим глубочайшим басом Джавер, перестав есть и громко обнюхивая стол и воздух вокруг себя, отчего все замолчали и перестали есть.

– Я тоже больше не могу это терпеть, дорогой, – раздраженно подтвердила блондинка, вызвав пристальный взгляд брюнетки.

– Извините, генерал, – оправдывался воин. – У нас не было выбора. Видимо, это из погреба под столом.

– Гнилые овощи. Какая мерзость, – не успокаивалась блондинка.

– Там еще что-то… – внимательно внюхивался Джавер, повергая в панику несчастных селян под полом: испуганные женщины еще больше сжались и затряслись, а мужчины в растерянности начали переглядываться, будто пытаясь найти поддержку в отчаявшихся глазах друг друга. Плотник еще выше поднял топор, будто собираясь прямо сейчас вступить в неравный бой, а отец Томаса, надеясь, что его стрелы смогут пробить хоть одну кость массивных монстров, медленно направил свой арбалет на дверцу. Тем временем старший воин и Джавер решительно поднялись со стульев и обступили ее сверху. Дожёвывая куски мяса и сглатывая тягучие жилы, они смотрели на дверцу из-под самого потолка кухни, не рассчитанной на таких высоких гостей. Нижние руки Джавера спокойно уперлись в талию, а правая верхняя рука сжала рукоять меча за спиной, со скрежетом немного его вытащив. Верхними руками воин достал из ножен на кожаном поясе острые кинжалы и наклонился к дверце погреба:

– Посмотрим, что там у нас, – произнес он, потянув ручку дверцы нижними руками.

Селяне приготовились к самому худшему. Томас прижался к трясущейся матери и уткнулся лицом в ее бок, а его отец начал прицеливаться в проем из арбалета. Плотник же, наоборот, тихо положил топор на земляной пол, и обреченные слезы покатились по его обрюзгшим щекам. В эти бесконеч-

ные мучительные мгновения все были уверены в своем скором конце.

Наконец, послышался скрип и тяжелая дверца начала подниматься, заливая погреб светом:

– Стойте! – внезапно произнесла брюнетка.

– Что? – оглянулся на нее удивленный генерал.

– Вы выпустите оттуда этот ужасный запах.

– И?

– Может, сначала доедим?

– Она права, – блондинке с горечью пришлось признать правоту соперницы. – Дорогой, давай поужинаем сначала?

– Женщины! То вам одно, то другое. Как вы вообще живете? – только и произнес раздосадованный генерал, вставляя меч в ножны за спиной и возвращаясь за стол. Это повторил и старший воин, опустив злосчастную ручку дверцы, так и не открыв ее до конца, отчего измученные страхом селяне облегченно обмякли и медленно выдохнули, обнаружив, что не дышали всю последнюю минуту.

Немногословная и всегда голодная компания снова приступила к остервенелому поглощению всего съедобного за столом, запивая еду ведрами жирного молока или воды. Вдруг, сквозь возобновившееся громкое чавканье и грохот посуды, раздалось очень тихое трехкратное постукивание пола со стороны стола, где сидела брюнетка. Отец Томаса переглянулся с плотником. Сначала мальчик не понял, что все это значит, но потом его осенило: эта странная женщина

осознанно спасла их от своих сородичей. И действительно, в это время на широком лице брюнетки можно было заметить легкие признаки улыбки, а в глазах явное облегчение. Сами же прожорливые мутанты были слишком заняты своими ликующими желудками, чтобы обращать внимание на такие мелочи.

Наевшись до предела, сытые и довольные мутанты то ли забыли про погреб, то ли умышленно не хотели об этом вспоминать. После тяжелейшего дня все хотели лишь добраться до какой-нибудь постели и быстрее уснуть. Джавер понимал, что у него не так много времени. Разведка доложила, что озверевшие рыцари Парфагона уже активно атакуют по всем возможным направлениям, но имеют большие проблемы с успешностью своей контратаки, так как мутанты привычно рассеялись небольшими группами по множеству мелких селений. Хотя собственные потери генерала совершенно его не заботили, у него было не больше одного невероятно плотного до событий дня, чтобы завершить в любом случае уже удачный рейд и гарантированно живым отправиться обратно домой в Арогдор.

Страдальцы в погребе с облегчением обрадовались, услышав как мутанты, напоследок погремев опустошенной посудой, наконец, успокоились и, еле передвигая ноги, стали медленно расходиться по спальням, придерживая руками свои раздувшиеся огромные животы, покрытые наростами брони и коротким мехом. Немного пошептавшись, из кухни по-

следними вышли обе женщины, громко стуча по полу каблуками.

При этом Ирэн, не выпуская куклу из рук, так и уснула под подушкой в объятиях матери еще во время громкого ужина арогдорцев. Несмотря на страх и крайне рискованное положение дел, эмоционально выхолощенный Томас, как и сестра, теперь тоже быстро и глубоко уснул вместе с остальными взрослыми. Лишь его мужественный отец окончательно измучился, всю ночь без устали внимательно следя за тем, чтобы никто не храпел и нечаянно не создавал слишком много звуков во сне, которые могли стоить им жизни.

* * *

На следующий день всем жильцам дома кузнеца пришлось проснуться прямо с рассветом. Хотя в обычной жизни мало о чем заботящиеся мутанты спали непомерно долго, во время рейдов они не могли себе этого позволить, опасаясь быть пойманными врасплох умелыми рыцарями. Поэтому спасшиеся в погребе несчастные селяне уже ранним утром услышали тяжелые шаги, когда на кухню зашел снова изголодавшийся Джавер, за которым поспевали другие, менее массивные мутанты:

– Где завтрак?

– Обоз попал в засаду, а вчерашний провиант закончился.

– Что за бред?! – послышался раздраженный голос гене-

рала и скрежет вытащенного из ножен кинжала.

– Простите! Мы не ожидали, что село будет разграблено, – сдавленно произнес старший воин, горло которого уже прижимало холодное лезвие. – А здесь ничего в загонах не осталось.

– В вонючем погребе наверняка еще остались продукты. У тебя полчаса, чтобы стол был накрыт, пока мне докладывают обстановку. Понятно?

– Конечно!

– Может, не надо, Айвор? – услышали обомлевшие люди в погребе знакомый, и теперь такой дорогой, спасительный голос брюнетки. – Мы можем потерпеть.

– Я не буду терпеть, женщина.

– Куда такая спешка? В другом месте можем поесть.

– Не слушать ее. Выполнять приказ!

Сонные и промерзшие Томас с сестрой вновь прижались к побледневшей матери, которая осторожно отвела их в дальний угол к ткачихе. Мужчины обреченно взяли свое оружие в руки и приготовились к тому, чтобы отчаянно попытаться дать отпор превосходящему врагу. На глазах женщин быстро появились большие слезы и растерянное отчаяние. Они испуганно стали смотреть то на охотника, то на плотника, всей душой пытаясь искренне поверить, что они смогут хотя бы что-то изменить в этой обреченной ситуации.

Сначала селяне услышали, как из кухни все вышли, и воцарилась спасительная тишина, давшая надежду, маленький

шанс на выживание. Но уже через минуту эти тщетные ожидания растворились в небытии, словно лопнувший мыльный пузырь. Послышались не предвещающие ничего хорошего быстрые и тяжелые шаги двух мутантов, которые все ближе и ближе неумолимо приближались к их головам. Они остановились возле дверцы, после чего последовали несколько адских мгновений тишины, тихой паники и смертельной неопределенности.

Вдруг с громким рванулась дверца, и опущенный вниз светильник в нижней руке мутанта осветил погреб, предательски выдавая всех его жильцов с искривленными от ужаса лицами. Меткая стрела из отцовского арбалета вонзилась точно в центр массивного лба мутанта, а брошенный наточенный топор плотника глубоко вонзился в его бронированный нарост на левой груди. Издав дикий звериный вопль, но, не сделав даже шагу назад, он вместо этого вытащил топор из груди свободной нижней рукой и смело спустился по ступенькам в погреб, держа в верхних руках сверкающие смертью кинжалы. За ним следом кинулся точно также вооруженный сообщник, наполняя помещение исходящей от них вонью. Потерявшие рассудок отец Томаса и плотник с ножами в руках с отчаянными криками бросились на огромных воинов, но длинные и натренированные руки мутантов, облаченные в толстый слой мышц и наросты брони, молниеносно расправились с мужчинами на глазах истошно кричащих детей и женщин, прижимающихся к углу.

С торчащей из головы сломанной стрелой, согнувшись почти по пояс из-за низкого потолка, обозленный арогдорец снова и снова наносил чудовищные мощные удары кинжалами в бездыханное тело отца Томаса до тех пор, пока оно не превратилось в обезглавленную и расчлененную кровавую массу. Весь погреб и все находившиеся в нем были с ног до головы обрызганы теплой кровью и склизкими ошметками человеческой ткани. Женщины продолжали орать во все горло и прижимать к себе рыдающих детей. Хотя они и пытались закрыть им глаза своим телом, сраженный Томас видел все произошедшее от страшного начала и до тошнотворного конца, не веря в происходящее. Ему казалось, что все это не по-настоящему, что ему это кажется или снится. Его не по возрасту серьезные глаза, пристально следившие за любимым отцом, заливались слезами, а внутри все обломилось и обмякло от невозможности что-то изменить и вернуть назад.

На шум и громкие крики быстро сбежались другие мутанты, включая генерала и его женщин. Обступив вход в смердящий погреб, они внимательно смотрели на представшую перед их равнодушным взором кровавую картину побоища.

– Убить баб! – послышалась команда, заставившая Томаса вцепиться в свою измученную трясущуюся мать изо всех сил.

– Да сколько можно?! Прекратите! – пыталась заступиться брюнетка, но получила гулкий удар в живот и тут же упала под стол, рыдая и от безысходности дергая свои роскошные

волосы на голове. – За что? Уроды вы все!

Раненый старший воин и его помощник молча и с чудовищной силой отдернули за шеи беспомощно скулящих детей от матери и ткачихи, кинув их об стену. Затем они нанесли ошеломленным женщинам, отчаянно тянущим руки к детям, несколько глубоких ударов кинжалами в грудь и голову, вонзив лезвия по самые рукояти, после чего вдруг стало резко тише и спокойнее. Лишь тихие и охрипшие крики выживших мальчика и девочки нарушали безмятежность сельского утра.

Но на этом генерал не успокоился.

Все мутанты замерли, когда он вытащил из ножен свой широкий меч и спустился в и без того тесный, залитый кровью погреб. Дрожащие Томас и Ирэн прижались друг к другу, будучи полностью уверенными в том, что пришел их черед. Однако хладнокровный Джавер молча подошел к впавшему в ступор старшему воину и с хрустом вонзил ему меч под нижнюю челюсть, пробив голову насквозь и прибив ее к низкому потолку. Воин выронил светильник, выпучил удивленные глаза, быстро обмяк и с глухим ударом свалился на колени, повиснув массивным подбородком на крестовине меча, утопающего в пульсирующем потоке стекающей густой бордовой крови.

– Тупорылый предатель, – грубо и зло прокомментировал свое безжалостное действие Джавер и тут же дал приказ другим мутантам: – Недоносков – в ресурсный обоз и уходим на

север. Доложите обстановку по пути.

Вскоре бесчувственный генерал вместе со своей молчаливой свитой покинул обугленные останки родного села Томаса на резвых челоконях. А к единственно уцелевшему дому кузнеца подоспели гремящие награбленным богатством старые поскрипывающие телеги из ресурсного обоза, запряженные обычными лошадьми. Большая их часть была отдана под бесконечные мешки с продуктами, металлолом, а также различные полезные инструменты и домашнюю утварь. Одна из телег, построенная в виде вместительной клетки из прочных прутьев, была битком набита совсем маленькими детьми, сидящими буквально друг на друге, в грязных, оборванных и окровавленных туниках, многим из которых было не больше года. Все они, зачастую порезанные и избитые, беспрерывно плакали и стонали, отчаянно зовя охрипшими простуженными голосами своих потерянных матерей и умоляя прохожих дать хоть каплю воды и крошку еды.

Тошнотворно пахнущий смесью пота и какой-то отвратной кислятины мутант подвел обреченно молчавших Томаса и Ирэн к скулящей деревянной клетке и уже собирался погрузить их в нее, но ответственный за ресурсы воин с красными повязками на плечах, рыжими дредами и такой же густой бородой вдруг остановил его:

– Так, а это что такое?

– Что еще не так?

– С девкой все понятно. Она пока еще подходит, – сказал

старший воин, переводя раздраженный взгляд на Томаса, – а вот его я не возьму. Не видишь, безмозглый, что он уже слишком взрослый?

– Мне приказали – я выполняю.

– Хорошо. Вот тебе новый приказ: девку – в клетку, а пацану перерезать глотку.

Рыжий монстр произнес это настолько хладнокровно, что сразу почувствовалось, насколько часто ему приходилось отдавать такие безжалостные и бессмысленные приказы. Поскольку рядовой воин впал в ступор, он сам лично оторвал завизжавшую Ирэн от отчаянно вцепившегося в нее брата и грубо закинул ее в телегу поверх других стонущих детей. После этого обоз сразу же двинулся в сторону леса, проезжая обугленные останки села в сопровождении истошно лающего пузатого щенка, откуда ни возьмись выбежавшего на шум. Девочка высунула свои пухленькие ручонки из клетки и, отчаянно крича, тянула их в сторону тихо рыдающего брата, которого за волосы крепко держал мутант, медленно и неуверенно вытаскивая кинжал из ножен на ремне.

Было видно, что держащий Томаса воин очень молод и неопытен. В отличие от многих других мутантов, его нижние руки были несколько недоразвиты, худы и коротки, будто еще не успели до конца отрасти. В непосредственных боях, видимо, он пока еще никогда не участвовал, а лишь помогал собирать ресурсы на захваченных территориях. Судя по всему, убить человека, а уж тем более ребенка, ему бы-

ло явно сложно. Оглядываясь по сторонам и будто ожидая чьей-то поддержки, он долго не мог решиться на выполнение приказа, боясь даже взглянуть на измученного и невинного юного селянина.

Когда телега с утихающими визгами Ирэн окончательно скрылась из вида на опушке леса, Томаса неожиданно накрыли необузданная злость и распирающий изнутри жар. Вдобавок к оставленной без защиты любимой сестренке, в его глазах всплыла чудовищная кровавая картина убийства беспомощных родителей. Вдруг совершенно пропал страх, и всем его телом начали управлять лишь животные эмоции и позывы, наглухо затуманившие его рассудок и разум. Откуда-то появилась невиданная ранее сила, бесконечный прилив которой можно было осязаемо почувствовать, и которую нельзя было не использовать немедленно, чтобы не разорваться на части от распирающих эмоций.

Резко дернувшись, ценою густого клока своих густых каштановых волос, озверевший Томас вырвался и ловко нырнул между ног у опешившего мутанта с недоразвитой парой рук. Пока неповоротливый и неопытный воин разворачивался, мальчуган уже скрылся за углом обугленных останков соседнего дома, а несколько других воинов с грубыми проклятьями кинулись за ним в погоню. В отличие от вторгнувшихся арогдорцев, ребенок хорошо знал свое родное село и мог ориентироваться в нем даже с закрытыми глазами. Быстро и юрко бегая от одного забора или пожарища к дру-

гому, он в какой-то момент почти добрался до спасительного леса и уже почувствовал шанс живым и невредимым сбежать от безжалостных монстров. Но, пробегая последний огород, отделяющий село от леса, он вдруг почувствовал сильный удар в заднюю сторону бедра и последовавшую за ним резкую нестерпимую боль.

Беспомощно упав на грядку с молодой капустой и оглядев себя, Томас увидел как необычно толстая и длинная стрела застряла в его ноге, пройдя ее насквозь. Туника стала быстро пропитываться кровью, а страшная боль не давала ему не только возможности встать, но и сделать хотя бы одно небольшое движение ногой. Поэтому, пока он обозленный, плача и крича, безуспешно пытался вытащить увязшую в плоти стрелу, его не спеша окружили довольные мутанты. Они весело смеялись, глядя на своего неопытного товарища, и беспрерывно над ними подтрунивали:

– Этот селянин храбрее тебя будет!

– Посмотри на его руки. Тебе бы такие, а?

– Они толще твоих в два раза!

– Хоть кого-то сможешь убить в этом рейде!

– Пошли вон, крысы, – растерянный и запыхавшийся молодой мутант подошел к истекающему кровью Томасу, замахиваясь через плечо приготовленным для быстрого и верного удара громадным топором. Однако последний из селян так просто не сдавался и продолжал делать, что было в его силах: он метко бросил острый камень в глаз мутанта и полз-

ком на руках кинулся кусать его за ноги сквозь кожаные штаны под истеричный смех других арогдорцев. Конечно, молодой воин легко увернулся от молочных зубов малыша, но тут же, с внезапно оборвавшимся коротким криком неожиданно рухнул на землю рядом со своей жизнелюбивой и так и не покорившейся жертвой.

В первые мгновения удивившиеся мутанты, да и сам Томас, замерли, не в силах понять, что произошло. Однако вскоре они заметили стрелу в затылке опозорившегося воина в неловкой позе распластавшегося в свекольном молодняке. Тут же послышался свист других пролетающих мимо стрел и их удары в плоть и броню. Еще два мутанта сразу упали замертво, так и не поняв, откуда их атакуют, а один с жалостливым криком схватился за пробитую насквозь ногу. Затем послышался злой ор, сотрясающий землю топот копыт и угрожающее бренчание тяжелых доспехов: с леса на огромной скорости в село ворвался небольшой отряд рыцарей Парфагона.

До этого момента Томас видел их только на старых потрепанных и неуклюжих рисунках, в воображении и во снах. Он обожал слушать посвященные им истории, сказки и легенды от взрослых, а с соседскими ребятами часто сражался на импровизированных деревянных мечах, играя в рыцарей. В этом не было ничего удивительного, так как все мальчишки королевства мечтали ими стать во взрослой жизни, хотя это было невозможно для селян, о чем дети просто не подозре-

вали.

В отличие от мутантов, доблестные воины Королевской рыцарской армии ездили на обычных лошадях, хотя и самых мощных и высоких мастей, и имели привычное человеческое строение тела. От обычных людей их отличали невероятная мускулистость и неестественная сила, а также выдающийся рост. Хотя, будучи на две или три головы выше обычного мужчины, в этом показателе они все же уступали любому четырехрукому мутанту. Под прикрывающей спину синей накидкой до земли их торсы были облачены в плотные рубахи, поверх которых красовался фигурный стальной панцирь с кольчужными рукавами, воротником и короткой юбкой. Голову они защищали округлым шлемом, прикрывающим не только голову и шею, но и почти все лицо, оставляя лишь овальные отверстия для глаз, переходящие в проем для носа и рта. Их ноги покрывали штаны из плотной темной ткани и до блеска начищенные кожаные сапоги выше колен. Для защиты у них также имелись выгнутые прямоугольные щиты, которые вместе с копьями крепились на сбруе. Из вооружения они использовали крепящиеся на поясе меч с кожаной синей рукоятью, небольшой кинжал, а также внушительных габаритов арбалет, способный пробить особо прочные наращенные броню и черепные коробки мутантов.

На глазах пораженного Томаса завязался молниеносный бой. Рыцари с разгона вонзили свои длинные копья и острые мечи в еще живых пеших мутантов, окруживших ране-

ного и беспомощного мальчика. Кто-то из них пытался отчаянно сопротивляться или даже умолял о пощаде, но парфагонцам удалось легко и без потерь раскромсать пойманного врасплох противника, никого не жалея и не обращая внимания на стоны и причитания.

Едва не раздавив Томаса, разгоряченные и обозленные рыцари сходу рванулись дальше вглубь руин его села. Всего их было не больше дюжины, но это была очевидная колоссальная сила, которая произвела незабываемое одухотворяющее впечатление на мальчика. Он впервые испытал те невероятные и особые чувства, которые взрослый человек охарактеризовал бы как гордость за свое любимое королевство. Ощущение было настолько сильным, что, казалось, на одних этих эмоциях можно было легко жить без еды и воды целую неделю.

Забыв на мгновение о потерянных близких, раненый и истекающий кровью Томас воодушевленно и с открытым ртом наблюдал, как бронированные воины короля Альберта Третьего добивали оставшихся в его селении мутантов, пока внезапно не потерял сознание.

* * *

Отряд рыцарей Парфагона, состоящий из самых отборных воинов и находящийся под командованием Нильса Дора, расположился на поросших мхом стволах старых пова-

ленных деревьев вокруг полыхающего пламени в ночном лесу, из глубин которого то и дело доносились чьи-то едва слышные истошные крики, а также отчетливые уханья совы, разносящиеся эхом на всю округу. Все были измучены и задумчивы, наслаждаясь запахом запекающегося дикого кабана. Только два раненых воина, что лежали возле потрескивающего костра, иногда тихо стонали или кряхтели, меняя положение. Сам Нильс уже почти целый век служил королю и стремился стать большим военачальником, но, несмотря на удивительную живучесть, продвижения по службе ему давались с большим трудом. Хотя он был на хорошем счету у главнокомандующего, на броне его груди со стороны сердца красовался всего лишь бронзовый жетон с гербом Парфагона в виде двух пересекающихся колец. Этот, похожий на срез угловатого яблока, знак отличия говорил о том, что его носил низший офицер в звании центуриона, который мог командовать сотней воинов, то есть, центурией, но чаще одной или несколькими дюжинами.

Желтое пламя освещало его брутальное лицо с широкими скулами на большой круглой голове, внушительным мясистым носом и задумчивым взглядом. На вид ему было чуть больше тридцати лет, он не особо стремился к безукоризненной внешности, в отличие от большинства жителей Парфагона. Он считал, что мужчине это совсем не обязательно иметь, чтобы получать все нужные радости жизни. Хотя такая позиция вызывала насмешки, в его случае она действи-

тельно была эффективной.

– Не волнуйся, Нильс, – пытался его приободрить красавец Ричард Фейн, длинноволосый блондин с утонченными благородно вытянутыми чертами лица и светло-голубыми глазами. – Ты его точно поймаешь в следующий раз.

– Если бы на несколько минут раньше…

– Будем еще ближе. Ему не уйти.

– Что я опять скажу легату? Как я буду смотреть в глаза нашему королю? – нервно перебирая палкой бревна в костре, спросил Нильс. – Опять та же самая история. В который раз.

– Постой, это ведь не наша вина. Мы были быстры как могли.

– Эта всегда наша вина.

Чуть в стороне, укрытый синей рыцарской накидкой, простонал и снова затих Томас. Взволнованный Нильс тут же встал и быстро подошел к нему. Увидев, что несчастный мальчуган все еще без сознания, он лишь плотнее прикрыл его и снова молча вернулся к костру, где уже что-то весело обсуждали рыцари.

– Я все-таки не понимаю, зачем ты его взял с собой, – кивнул Ричард в сторону Томаса.

– В нем что-то есть. Его нельзя там оставлять.

– От него даже мутанты отказались. Мы уже ничего не сделаем с ним. Он слишком взрослый.

– Ничего. Прорвется. У него нет выбора.

– Ты серьезно?

– Да, – Нильс пристально посмотрел в глаза Ричарду. – Ты же сам видел, как он один и еле живой, но все равно пытался биться с мутантом.

– И?

– Сам знаешь, что даже не все из нас на такое способны. Мы, тренированные и взрослые мужики, можем сдаться, потеряв все видимые шансы на спасение. Но ты видел его? Ты видел его смелость?

– Ну, делай, как хочешь. Ты ж сам понимаешь, что ему будет сложно освоить фазу. Какой бы он ни был храбрый, ему будет уготована низшая участь в стенах Парфагона. К тому же, кто его туда вообще пустит?

– У него есть шанс, Ричард.

– Он пришлый, селянин. Ты знаешь наши законы.

Нильс с заботой взглянул в сторону Томаса.

– Я все понимаю. Но мы должны дать ему шанс. Если у короля внезапно объявилась дочь, то почему мне нельзя?

– Очередная странная история нашего королевства, конечно, но у тебя немного иная ситуация, – Ричард весело ударил друга кулаком по плечу. – Да и с великим Альбертом себя не сравнивай. Как они ее назвали, кстати? О ее матери хоть что-то известно?

– Назвали Элизабет. Одна из его тайных фавориток разрешилась, но умерла почти сразу же. Сама, наверное, дитем еще была. Ты ж его знаешь.

– Хм, печально. И у нее все равно титул принцессы?

– А как еще быть в его ситуации? Поэтому и будет добрее. Нашему храбрецу это на руку в любом случае.

– Ну, ты и авантюрист.

Сытно перекусив недожаренной свининой и затем немного от души посмеявшись над предельно пошлыми байками расслабившихся рыцарей, Нильс отдал приказ идти на отбой. Проверив караульных, он осторожно лег рядом с Томасом, прикрыв его от холода своей могучей рукой, и мгновенно уснул, как это хорошо умели делать практически все жители Парфагона.

В это время обессиленному Томасу в больном беспамятстве снилась бесконечная череда насыщенных кошмаров, в которых то раздавались крики погибающих родителей, то за ним гнались остервеневшие мутанты, то плакала убегающая Ирэн. Он то внезапно просыпался, то моментально глубоко засыпал, так и не понимая, что с ним происходит и где он находится. Чувство голода и жажды все время настигали его постоянно усиливающимися волнами. А еще периодически возникала острая боль в левом бедре от постоянных скачков и покачиваний. В какой-то момент к этому бредовому состоянию добавился яркий свет сквозь веки и радостные трели лесных птиц на фоне звонкого постукивания копыт о каменную дорогу.

С трудом открыв затекшие глаза, Томас обнаружил себя сидящем в седле впереди огромного, как гора и удивитель-

ного на вид, русого рыцаря без шлема, с выдающимся носом, круглым лицом и добрым задумчивым взглядом. Рядом также спокойно шагали еще несколько лошадей с рыцарями. Через поле они все вместе приближались к огромным деревянным воротам уходящей за горизонт древней каменной стены с узкими бойницами на вершине. Эта стена поросла во многих местах мхом и даже кустами по всей высоте, и была выше любых самых высоких деревьев. За ней виднелись грозные башни и коричневые черепичные крыши удивительно высоких и красивых зданий. Томас никогда не видел Парфагон, но он сразу понял, что это именно он: тот самый город, где живут невероятные люди, о которых ходило так много легенд и слухов. Именно в его стенах стоит тот самый знаменитый замок, в котором живет любимый король Альберт Третий и его новорожденная принцесса, которой его так настойчиво дразнила сестра.

– Привет, храбрец, – улыбнулся ему рыцарь, пристально смотря в глаза.

– Здравствуйте! – смутившись, ответил Томас.

– Меня зовут Нильс. А тебя?

– Томас. Меня зовут Томас Юрг.

– Эй, соня!

Оглянувшись назад, спасенный селянин увидел рядом улыбающегося белокурого Ричарда, который аккуратно держал в своей большой руке мирно спящего щенка Ирэн.

– Это случайно не твой? Тоже спит все время.

– Здравствуйте! Да, дяденька, это мой.

– Можно я себе возьму?

– Конечно, забирайте Пузанчика.

– Небось, женушке подаришь, подкаблучник? – нарочито презрительно буркнул Нильс, хмуро разглядывая вытащенные из кармана солнечные часы размером в пол-ладони. – Как вообще таких в армию берут?

В этот момент расхохотавшиеся воины прошли мост над болотистым рвом, и перед ними медленно открылись толстые скрипучие двери Северных ворот, охраняемые с двух сторон приветствующими своих товарищей рыцарями:

– Да здравствует король!

– Да здравствует Парфагон! – дружно ответил отряд.

Навстречу Томасу дунул теплый ветер с тысячей новых для него насыщенных запахов и удивительных звуков. Прямо от исполинских ворот начиналась бесконечная аллея с сотнями прогуливающихся людей, по краям которой росли пышные зеленые деревья и аккуратные двух- и трехэтажные здания. Куда его взгляд не падал, везде что-то происходило и кто-то суетился, а на лицах опрятно одетых людей были исключительно довольные и счастливые улыбки. Оказавшись в таком радостном буйстве жизни, он вдруг вспомнил свою сестру Ирэн, маму и отца, которые никогда этого не увидят, а также родное село, которого больше не существовало, как и всей его прошлой жизни. Горечь и счастье смешались в невиданную им ранее непосильную смесь, которая застряла

как ком в горле. Изо всех сил он пытался не заплакать перед спасшими его могучими мужчинами, особенно перед Нильсом. Но когда его приняла на руки и тепло обняла некая ароматная женщина с короткими рыжими волосами и немного заостренными ушками, он не выдержал. Его детские губы горестно искривились и большие круглые слезы безудержным потоком полились из покрасневших зажмуренных глаз, одна за другой капая на сиреневое платье местной красавицы.

– Добро пожаловать в Парфагон, бедный малыш, – лишь смог он расслышать из ее уст.

Глава 2
Идеальный город сверхлюдей

Первый месяц Томас практически все время находился в доме рыцаря Нильса Дора. Построенное из камня, как почти все строения в Парфагоне, его двухэтажное жилище имело две спальни, кухню, столовую, а также собственный небольшой фруктовый сад, огороженный каменным забором, поэтому выживший сельский ребенок чувствовал себя весьма комфортно, даже будучи взаперти. Ему выделили небольшую комнату на втором этаже с окном во внутренний сад, где изначально находилась скромная библиотека хозяина, помещавшаяся в двух узких книжных шкафах. Туда поставили рассчитанную на вырост большую дубовую кровать, заменили крошечный, почти декоративный, стол на массивный письменный и насобирали у знакомых и друзей целый ящик игрушек, большая часть которых была связана с рыцарями и их амуницией. Новая жизнь в столице, в добротном каменном доме, на высоком втором этаже в пропитанной запахом старых книг комнате казалась сельскому мальчишке чудесным сном, в который он долго не мог поверить, просыпаясь по утрам.

В доме также жила Маргарита, старшая сестра Нильса, рыжая женщина с мальчишеской стрижкой и всегда грустными глазами из-за заметно опущенных внешних уголков ее век, словно вечная вселенская печаль обрекла ее на страдания еще в утробе матери. Именно она первая взяла Томаса в свои нежные руки, когда он впервые въехал с рыцарями в го-

род. Выглядя значительно моложе своего брата, ее поведение ничем не отличалось от повадок зрелой, опытной и видавшей виды женщины, кем она в действительности и являлась. Даже ее внуки уже были взрослыми людьми, а муж, известный рыцарь, дослужившийся до звания трибуна, настолько давно отдал свою жизнь за короля Альберта, что она перестала помнить, как он действительно выглядел. Пару раз в год она вспоминала детали образа совершенно вымышленного человека, в чем была повинна дурацкая людская память, не рассчитанная природой на такую жизненную дистанцию.

Благодаря доброй Маргарите и жалованью Нильса в десять золотых монет в месяц, уютный дом находился в идеальной чистоте, в нем всегда имелось достаточно мяса, а ранение Томаса быстро зажило, и он был достаточно хорошо одет даже по придирчивым городским меркам. Вместо простейшей сельской туники, больше похожей на мешок с дырками для рук и головы, теперь он стеснительно щеголял в обязательных для столичных мальчиков светлых рубахах с разноцветными пуговицами, коротких черных или коричневых штанишках с карманами и подтяжками, а также в кожаных башмаках поверх гольфов.

Сам Нильс считался убежденным и заматерелым холостяком, что было распространено среди рыцарей. Он никогда не имел детей, во всяком случае, официальных и живущих с ним в одном доме, что также было нередкой практикой в городе. В некоторой степени свои нереализованные отцов-

ские чувства он перенес на Томаса, и потому ребенок оказался под гарантированной опекой, что бы ни случилось. Увидеть рыцаря дома было большой радостью для мальчугана, так как тот почти все время был занят своими опасными военными делами и часто отлучался в рискованные командировки, уничтожая бесконечные вторжения мутантов и устраняя их подлые провокации. Иногда к Нильсу приходил его давний друг Ричард Фейн, и они вместе с другими товарищами закатывали долгие и буйные посиделки в беседке в саду. Часто можно было заметить, как поутру из дома выходили, смущенно опуская глаза, красивые девушки и женщины, но Томас их не запоминал, так как почти каждый раз они оказывались разные.

Новая жизнь была настолько заполнена эмоциями и благополучием, что чуткая память ребенка вскоре вытеснила кровавые воспоминания из его недалекого прошлого. Томас начинал активно округляться и раздаваться вширь, так как много спал, и в рыцарском доме всегда хранилось полно еды на любой вкус. Внушительное обилие сна и пищи были главной необходимостью многих жителей столицы Парфагон, впрочем, как и у мутантов Арогдора.

Однако все было не так просто, как казалось изолированному в тепличных условиях наивному селянину. В Парфагон было практически невозможно попасть людям со стороны. Хотя периодически делались исключения, и была необходимость в свежей крови и силе, появление чужаков на по-

стоянной основе в стенах столицы считалось риском для основ существования самого королевства. Одна из причин состояла в очевидной опасности внедрения агентов Арогдора, которые время от времени устраивали диверсии и теракты с ужасающим количеством жертв. Это происходило регулярно, в большой степени именно из-за приема новых жителей. Именно поэтому Томас целый месяц сидел под опекой Маргариты и лишь через высокую каменную кладку забора слышал шум оживленного и интересного ему удивительного города, который так хотелось изучить любопытному детскому разуму.

Все это время Нильс, его друзья и сестра обивали пороги различных инстанций, чтобы получить разрешение усыновить пришлого ребенка. Дотошных чиновников и вечно подозрительную службу безопасности сильно смущали два момента: Томас считался слишком взрослым, чтобы его можно было по-настоящему адаптировать для самых главных сторон бытия города и его жителей, а также полное отсутствие сведений о его прошлом. Так как все жители его села погибли, пустились в бега или были похищены мутантами, то не имелось никакой гарантии, что он именно простой селянин, а не маскирующийся под него агент-мутант. Хотя в практике это была сложнейшая и очень долгая мутация, теоретически в маленького мальчика могли превратиться многие арогдорцы.

Только благодаря весомым и всеми признанным заслугам

храброго рыцаря и его неотступной настойчивости, сломившей не одну непреодолимую преграду, Томаса не только разрешили усыновить, но и приняли в полноценные граждане Парфагона. Как и во всех других подобных случаях, подпись на соответствующих документах была поставлена самим Питером Капицей – многолетнем канцлером Парфагона, мудрейшим человеком, а также близким другом и советником самого Альберта Третьего. Причем подпись на документах такой важности Капица мог поставить только с личного разрешения короля, которому таким образом тоже пришлось узнать о существовании некого несчастного Томаса Юрга из обескровленного округа города Салеп.

– Велели передать, что твоя репутация теперь зависит от успешности его адаптации, – сообщил Ричард, передавая в руки друга долгожданные документы у массивных деревянных дверей его дома. – Ну и взял же ты проблем на свою шею!

Выдернув бумагу, Нильс стал жадно разглядывать такую дорогую и долгожданную подпись, переливающуюся в свете дневного солнца. На обоих приятелях была городская рыцарская форма одежды для повседневной носки, состоящая из высоких сапог, темных широких штанов и, поверх светлой рубахи, обязательного зауженного у талии синего камзола с широченными вздутыми плечами, к тугому поясу которого крепились неизменные меч и кинжал.

– Меня это не волнует.

– Скажи, что вообще тебя волнует, кроме женщин и работы? – рассмеялся Ричард, заплетая свои роскошные белокурые волосы в толстую косу. – Серьезно, жениться не собираешься, кстати?

– Звучит, как предложение отрезать руку. Живешь себе, радуешься жизни. А тебе говорят, что-то больно хорошо поживаешь, друг. Давай-ка мы тебе тоже руку оттяпаем!

– Зато не скучно будет.

– У меня теперь есть Томас. Скучно не будет, – дочитал бумагу Нильс и спрятал ее за пазуху, свернув в плотную тонкую трубочку, после чего вздохнул и расплылся в счастливой широкой улыбке.

– Ах, так это теперь только меня одного интересуют убийства мутантов и женщины? Как теперь жить в этом жестоком мире!

– Да, иди, пожалуйся об этом своей любимой женушке.

– Какой женушке?

– Не той ли, с которой ты последние лет пятьдесят живешь?

– Клевета. Я вообще не понимаю, о чем вы говорите, вероломный предатель! Случаем, не на Эйзенберга работаете?

Оба друга понимающе рассмеялись. Действительно, Ричард был гулякой лишь на словах и в шутках. На самом деле, будучи едва ли не самым привлекательным мужчиной на Селеции, он, будто назло местным барышням, был однолюб и примерный семьянин, что считалось большой редко-

стью среди ветреных рыцарей, всегда живущих одним днем. Хотя на вид ему было около тридцати лет, у него уже имелось несколько взрослых и самостоятельных детей. С ненаглядной женой Лилией он проводил все свободное время и не чаял в ней души, вечно задаривая ее дорогими подарками и откровенно балуя излишним вниманием. На фоне других рыцарей, в особенности пропащего бабника Нильса, неугомонного рекордсмена всего Парфагона, всегда свободного спасителя одиноких женских сердец, ему было трудно контролировать свое мужское эго и потому шутки о предполагаемых похотливых похождениях являлись обязательной темой для разговоров. Чтобы придать им значимости и весомости, Ричард раз в несколько лет мог даже воспользоваться животным влечением к диковинным воинам какой-нибудь простой селянки на самой отдаленной окраине королевства, уродливой и глупой в сравнении с уникальными женщинами Парфагона. Однако Нильс был убежден, что на самом деле это не приносило никакого удовольствия его другу, а лишь создавало ему страдания и долгие угрызения совести перед любимой Лилией.

Попрощавшись с другом и зайдя в дом, центурион взял выбежавшего ему навстречу радостного Томаса в свои огромные мускулистые руки и крепко обнял. Затем он отнес его в свою, утопающую в аромате цветов, любимую крытую беседку в саду, круглые сетчатые стенки которой почти полностью заросли вьюном, создавая прохладную тень даже в

самые жаркие дни.

– У меня к тебе разговор, – осторожно начал рыцарь, присев на лавочку и посадив Томаса себе на колено.

– О чем, дядя Нильс?

– С этого дня… – не знал, как начать воин. – В общем, я и моя сестра никогда полностью не заменим тебе родителей. Это невозможно. Но мне разрешили тебя оставить, и все будут тебя считать моим приемным сыном. Ты не против?

– Нет, – ответил Томас, глаза которого наполнились слезами от нахлынувших воспоминаний о любимом отце и доброй матери.

– Я сделаю все, чтобы ты добился самого лучшего в этой непростой жизни. Я верю в тебя. Именно поэтому ты здесь. Понимаешь?

– Понимаю.

– Но у меня есть одна важная просьба к тебе и мне хотелось бы донести ее до тебя. Слушаешь меня внимательно?

– Слушаю очень и очень внимательно!

– Я ничего не жду от тебя в ответ, когда ты вырастешь. Для меня счастье просто тебе помочь, Томас. Ты можешь стать великим человеком. Но…

– Что, дядя Нильс?

– Каждый твой поступок, пока ты считаешься моим сыном, отражается на мне. Я заплатил своим именем за твою жизнь в Парфагоне. В общем, тебе будет крайне непросто тут, но я верю, что ты не подведешь меня.

Неожиданно глаза рыцаря увлажнились, хотя он всегда считал, что никаких особых эмоций уже более не способен испытать в этой жизни, которую он считал познанной. Чтобы это скрыть, стесняющийся рыцарь снова обнял Томаса, к которому успел не на шутку привязаться за последние недели. Ему пришлось молча продержать его в таком положении еще целую минуту, пока бурные эмоции окончательно не схлынули с его лица. Нильс не подозревал, что в это же самое время Томас испытывал схожие чувства и сам крепко сжимал массивную шею своего буквально обожествленного рыцаря. Маленький мальчик про себя думал, что он обязательно станет таким же сильным и храбрым воином, когда вырастет, и что он никогда не подведет своего спасителя, которому обязан каждым своим вздохом.

* * *

Вместе с получением официального статуса гражданина Парфагона Томасу пришлось распрощаться с беззаботной жизнью за каменной кладкой забора своего нового дома. Уже на следующий день Маргарита отвела его в утопающую радостными детскими криками Школу, которая по своим размерам и устройству больше напоминала огромный университет со своими собственными парками, тенистыми аллеями, спортивными площадками и множеством красивых кирпичных зданий, главное из которых было увенчано невысо-

кой угловатой башней с огромным черным флюгером в виде петуха, размером не меньше взрослого человека. Все без исключения жители столицы практически с первого года жизни и до шестнадцати лет ходили в это кипящее веселой жизнью место.

Продуманная система образования была построена таким образом, что к полному совершеннолетию человек владел всеми самыми важными навыками и знаниями реально ему необходимыми для повседневной жизни и любой выбранной профессии. Самое главное, сам подход к обучению был такой, что увлеченные дети с превеликим удовольствием учились и проводили время на интересных уроках. В Школе из них делали счастливых и раскрытых личностей, живущих в удовольствие, а не в тягость. После Школы больше не существовало никаких других образовательных систем и учреждений за отсутствием в них необходимости, благодаря эффективному начальному обучению. Исключения составляли только будущие защитники Парфагона. Они еще пять лет учились военному делу в элитной Рыцарской академии, для зачисления в которую требовалось в совершенстве освоить мутации в Школе, что удавалось далеко не каждому молодому человеку, как бы он не хотел защищать свою отчизну и как бы старательно не учился.

Однако для Томаса Школа стала настоящим адом, ведь подданные королевства за пределами столичного Парфагона жили весьма примитивно, и у них не имелось образования

как такового в принципе. Если бы ничего не изменилось, то Томас должен был стать таким же охотником, как его отец, переняв его знания и получив практический опыт. А для Ирэн была уготована участь жены какого-нибудь ремесленника или даже такого же охотника из других многочисленных сел или городков. Они бы даже никогда толком не научились читать и писать. Как итог, сама картина мира в голове у мальчика была весьма примитивна, как и у его родителей. В чем и заключалось их счастье.

И вот с такой смешной базой знаний привели Томаса в класс, где все дети были не только гораздо умнее, но и при этом в среднем на два года младше него, будучи ровесниками похищенной мутантами Ирэн. К сожалению для сельского мальчишки, педагогический совет во главе с ректором Исааком Ньюртоном решил, что поместить его в младший класс будет оптимальным решением. Его ровесники уж слишком далеко ушли в знаниях и навыках, а с более младшими детьми он по определению не смог бы общаться или навредил бы им.

Нетрудно догадаться, к чему это привело. Вся Школа смеялась над Томасом Юргом, пришлым дурачком и деревенщиной. Для детей он был настолько прост и смешон, что никто не видел в нем равного. Его лишь только дразнили и издевались над ним при первой возможности, коих неопытный в городской жизни селянин предоставлял великое множество чуть не на каждом шагу. Ровесникам и старшим ре-

бятам было смешно, потому что он учился с совсем маленькими детьми, а младшие веселились от того, что он такой большой, но при этом был настолько невообразимо глуп, что не знал простейших вещей, вроде фазы или букв. Как итог, Томас оказался совершенно одинок, и ему пришлось уйти в себя, замкнуться. Он старался не реагировать на издевательства и дразнения, понимая, что они заслуженные. Он действительно оказался настолько туп в сравнении с другими ребятами, что это стало очевидно даже для него самого, как бы это ни было горестно и обидно признавать.

У него был только один выход из сложившейся ситуации: учиться. И не просто учиться, а учиться так, чтобы стать как все и даже лучше. Учиться так, чтобы они считали его равным, и он не чувствовал колоссальной разницы между ними и собой. Учиться так, чтобы хотя бы эти малыши вокруг него говорили на понятном ему языке. Он должен был сделать все, что мог, ведь не имел права подвести Нильса Дора, своего приемного отца, который спас ему жизнь и дал шанс в новом мире. Поэтому каждый день, проглотив все обиды, он, не подавая признаков страдания, уходил из дома в Школу, где со стиснутыми зубами пытался все понять и усвоить, жадно поглощая каждый густой глоток знаний, даже не поворачивая голову в сторону вездесущих обидчиков.

Трехлетних детей в Школе продолжали учить познанию мира, основам математики и языка, о чем Томас имел хоть какие-то представления в целом. Мало того, он оказался

большим экспертом в естествознании, так как рос близко от дикой природы, которую познавал с помощью отца-охотника. Проводя значительную часть времени в лесу, он хорошо знал, что там растет, и какие животные обитают. Но это были далеко не самые главные знания, которые давали в рациональной Школе. Самым непонятным и неожиданным для Томаса оказались уроки обучения фазе. В той или иной форме многие трехлетние дети уже владели фазой или хотя бы многое о ней знали. Более или менее серьезные и фундаментальные знания только начинались в программе обучения. Благодаря этой ключевой причине, согласно мнению ректора, пришлому ребенку стоило попробовать начать учиться именно с этого уровня.

Если другие дети с молоком матери впитывали идею культуры фазы, то Томасу было на самых фундаментальных уровнях сознания крайне тяжело понять, что это такое. Больше всего его удивляло, как эта огромная область знаний по какой-то причине совершенно отсутствовала в его жизни ранее. В его селе отродясь никто даже не упоминал о фазе, а тут в Парфагоне она являлась основой жизни с самых первых ее лет. Оказалось, даже рыцарем было невозможно стать без идеального владения этим удивительным навыком, поэтому селянину пришлось уделить ему наиболее пристальное внимание.

Фаза имела два основных проявления в жизни каждого столичного жителя без исключения. Во-первых, многие пар-

фагонцы, предварительно осуществив ряд действий, значительную часть времени ночью или даже днем проводили в ситуации, когда могли временно менять пространство вокруг себя в нужном им направлении, что не сказывалось на ощущениях других людей. Это не было сном или фантазией, а было реальным изменением устойчивости обычного восприятия мира, который, полностью лишившись стабильности, не имел ни времени, ни пространства, в результате чего можно было пережить, что угодно и оказаться, где угодно. Например, рядовой парфагонец мог лечь на кровать, осуществить определенные вызывающие фазу техники, а затем встать и, пройдя сквозь стены, улететь за пределы города в любое место Селеции, где мог встретить, кого захочет и заниматься тем, что в голову только взбредет. При этом для всех других он будет все еще лежать в кровати, так как человек в фазе временно разрушает абсолютную стабильность только своего собственного воспринимаемого физического пространства.

Во-вторых, парфагонцы могли крайне полезно использовать свой удивительный навык для повседневной жизни. Помимо сотен возможных способов применения, которые предстояло изучить и освоить Томасу в Школе, жители Парфагона больше всего пользовались способностью фазы оказывать влияние на тело и организм в целом. При хороших навыках управления этим состоянием они могли буквально контролировать свой внешний вид, рост, пропорции, и даже

возраст. Именно поэтому горожане могли удивительно долго жить, и, как правило, были невероятно привлекательны внешне, ведь могли корректировать свои телесные недостатки.

Как итог, фаза являлась фундаментом существования Парфагона, своего рода, удачно воплощенной в реальность смелой мечтой или сказочным сном. Она давал людям все самое главное, из-за чего они могут волноваться и к чему стремятся: красоту, молодость и здоровье. Как итог, самой главной ценностью людей в городе была возможность спать, ведь именно на грани сна им было проще всего оказаться в фазе и поддерживать в ней созданные шаблоны своего измененного внешнего облика, или, как это называли проще, мутации. Для ее достижения в любом возможном виде нужно было лишь изменять свое тело в фазе и ежедневно многократно повторять эту процедуру, чтобы получить результат через несколько недель или месяцев, в зависимости от сложности задачи и умения, а затем удерживать полученное благо на достигнутом уровне по точно такому же принципу, как и его получение.

Томасу не только было сложно все это понять и до конца осознать, но и поверить в то, что это вообще может иметь отношение к нему самому – уж слишком невероятно все это звучало и было больше похоже на чью-то бурную фантазию. Именно поэтому потребовалось немало времени, чтобы он смог впервые попасть в фазу самостоятельно и убедиться в

ее правдивости.

Однажды поздним парфагонским утром, когда солнце уже медленно подбиралось к зениту, а птицам успело поднадоесть горланить свои звонкие и радостные песни в саду за окном, он проснулся и, стараясь не двигаться, уже по новой приобретенной привычке стал пробовать закрутиться вокруг продольной оси, не напрягая мышц, увидеть свои руки перед собой, не поднимая их и не открывая глаз, а также представить себя, быстро ходящим вокруг скульптуры Альберта Третьего из белого мрамора, стоящей на постаменте в центре площади у главного здания Школы, увенчанного флюгером. Не получив результата ни в одном из действий, он попробовал снова закрутиться, снова увидеть руки и снова оказаться у скульптуры. Он быстро и внимательно повторял этот выученный в Школе цикл техник раз за разом, и вдруг совершенно четко и неожиданно действительно увидел свои исцарапанные детские руки перед собой, хотя глаза были закрыты!

Как учили, он тут же попробовал взлететь, но к своему ужасу обнаружил, что вместо фазы, по-настоящему со свистом в ушах воспарил к ветхим деревянным перекрытиям потолка с мягким ароматом немного подгнившей древесины. И без того обостренные детские ощущения Томаса стали еще более реалистичны, достигнув чудовищной четкости и невиданной ранее детализации, в достоверности чего у него не было сомнений. Он настолько испугался этого загадочно-

го происшествия, что сразу же приземлился на кровать, где с большим трудом смог расшевелиться и встать.

Босой, в одной пижаме и с выпученными глазами, он с криком выбежал из своей комнаты и стремительно спустился по холодным каменным ступенькам на первый этаж. В светлой столовой, всегда пропитанной запахом сладкой выпечки и свежих булочек, уже накрывала стол для завтрака сестра Нильса в чепчике и белом фартуке поверх легкого платьица ее любимого сиреневого цвета.

– Маргарита! Маргарита! – взволновано задыхался Томас.

– Что случилось? Доброе утро!

– Я научился летать!

– Вот время пошло: дети раньше учатся летать, чем здороваться.

– Простите меня. Доброе утро!

– Другое дело, – Маргарита аккуратно поставила последнюю тарелку на белую накрахмаленную скатерть, а затем вышла в открытую дверь на утопающую в пару и дыму кухню: – Так что у тебя там случилось?

– Я только что летал под потолком!

– Вот как! И давно ты так умеешь?

– Первый раз. Вы тоже так можете?

Внезапно послышались тяжелые шаги, и в столовую в одних панталонах вошел заспанный Нильс. Его невероятно массивное волосатое тело, с поигрывающими от каждого движения, свисающими от собственной тяжести мышцами

на груди, спине и руках, поразило Томаса, который впервые увидел в таком откровенном виде своего спасителя:

– Ничего себе!

– Что тут случилось, что за крики? – недовольно пробурчал рыцарь. – Мутанты напали?

– Доброе утро! Наш герой научился летать, – рассмеялась Маргарита, гремя посудой на кухне.

– Хм, вот оно как. Доброе, доброе…

– Доброе утро, дядя Нильс! Это все правда.

– Да ну тебя! Не может быть.

– Прямо до потолка взлетел.

– А я-то думаю, кто там по крыше все утро ходит, – наконец рассмеялся зевающий рыцарь. – Наш будущий воин случайно не пробовал в фазу попасть перед этим?

– У меня не получилось.

– Интересно…

– Но зато я научился летать!

Нильс с хрустом в коленях присел на массивный белый стул с заскрипевшей мягкой спинкой и посадил рядом Томаса. Потрепав его за волосы, он опечаленно вздохнул, оглядев еще пока одиноко пустые тарелки, чашу с подтаявшим желтым маслом, кувшин с молоком и манящие ярко зеленые молодые яблоки на столе. Однако уже через миг на его лице расплылась довольная улыбка, когда его сестра вынесла кастрюлю вареных яиц и корзинку с еще горячими булками, от ароматного запаха которых у обоих мужчин свело скулы

и обильно потекли слюни.

– Мм… – закатил глаза от удовольствия рыцарь. – Томас, мне кажется, мы все-таки должны тебя поздравить с первой фазой.

– У меня как раз сварилась праздничная перловка, – улыбнулась Маргарита и снова ушла греметь посудой на кухне.

– Но у меня же ничего не получилось?

– Ты же взлетел?

– Да.

– Значит, был в фазе.

– Ты меня не понял, дядя Нильс. Я, правда, взлетел.

– Понимаешь, фаза такой и должна быть. Она не отличается от реальности по ощущениям. Все как обычно, но только ты можешь сделать гораздо больше, чем сейчас. Например, взлететь, пройти сквозь стену или начать себе строить тело как у меня, – русый рыцарь гордо поднял необъятную руку и напряг переливающиеся груды мускулов на ней, после чего широко заулыбался своим и без того необычно круглым лицом.

– Но ведь я не почувствовал, как в нее попал.

– А ты и не должен чувствовать. Ты же меняешь мир вокруг, а не себя. Ты никуда не попадаешь, на самом деле. Просто твое тело и комната ненадолго потеряли свою привычную твердь.

– Значит, и у меня тоже фаза будет получаться?

– Конечно. Поздравляю тебя, будущий рыцарь!

– Вот это да!

– А теперь давай-ка отведаем праздничный завтрак.

– Класс!

В этот момент из кухни вышла довольная Маргарита с большой чашей перловой каши и увидела, как оба взъерошенные мужчины потянулись к выпечке. Ее лицо тут же нахмурилось, а голос обрел редкую для нее жесткость:

– Это еще что такое?

– У нас, – жадно кусал булку Нильс, – праздник.

– Оба встали, умылись, оделись и причесались. Пошли вон!

– Ну, сестренка, – жалостливо простонал центурион.

– Быстро, быстро!

Хотя Томас все равно безнадежно отставал от своих одноклассников, многие из которых уже фазили почти каждый день, после этого запоминающегося утра он почувствовал в себе непоколебимую уверенность и его дела резко пошли в гору. Уже через несколько дней, полностью погруженный в атмосферу изучения, как оказалось, такой интересной и захватывающей фазы, он смог попасть в нее снова. Хотя он все еще почти каждый раз пугался новых ощущений, с каждым месяцем это происходило все чаще и чаще, что позволило с уверенностью мечтать о поступлении в Академию и доблестном будущем такого же уважаемого рыцаря как Нильс Дор.

* * *

Однажды, приблизительно через полтора месяца учебы, Томас сидел в парке между корпусами Школы, прислонившись к шершавому стволу кедра с широкой раскинувшейся кроной, и мечтательно грыз сочное яблоко. С ним до сих пор брезговали общаться как сверстники, так и одноклассники, потому оставалось лишь в одиночестве наблюдать со стороны за их веселыми и буйными играми. В этот раз он с завистью наблюдал как старшие ребята, лет шести или даже семи, запускали на порывистом ветру большой красный ромбовидный змей с длинными цветными лентами, который уверенно завис высоко в небе.

Дюжина ребят восторженно кричала снизу и почти истерично радовалась, чуть не дерясь друг с другом за вожделенное право получить натянутую веревку управления в свои руки хотя бы на одно короткое и счастливое мгновение. У Томаса же, впервые увидевшего такую диковинку, рука с яблоком застыла напротив изумленно открытого рта. Сам факт того, что можно соорудить нечто своими руками, и это будет держаться в воздухе как птица, будоражил его сознание и фантазию. Еще месяц назад он бы принял это удивительное явление за очевидное колдовство, но теперь уже мог догадаться, что такие чудеса тут не при чем, так как в них мало кто верил в Парфагоне.

Вдруг снизу раздался громкий плач, а змей сначала дернулся, а потом сдвинулся вбок и начал стремительно падать прямо на переливающуюся темно-зеленой густотою крону огромного и старого дуба по центру парка, где вскоре застрял на недосягаемой для ребят высоте. Оказывается, Ален Оспэ, один неугомонный чернявый карапуз из класса Томаса, который вечно попадал в разные передряги и беспрерывно шкодил при первой возможности, с разбегу нечаянно толкнул держащего веревку старшеклассника, в результате чего тот упал, выпустив запутавшегося в кроне дуба змея. Старшие ребята тут же накинулись на Алена и стали его валять по земле, обидно обзывать маленьким засранцем и даже обозленно пинать по мягкому месту. На мгновение Томас испытал огромное облегчение и нечеловеческое удовлетворение, ведь никто так не дразнил его в классе как этот коротышка, который тоже был сыном потомственного рыцаря, как и абсолютно все без исключения дети в Школе.

Однако избиение маленького мальчика вдруг стало выглядеть для Томаса как-то совсем несправедливо: он ведь был еще совсем мал, да и явно неумышленно это сделал. За что с ним так грубо обходиться и так сильно обижать? Заслуживал ли он этого? Быстро забыв обиды, Томас внезапно разозлился, почувствовал прилив крови к лицу, и, бросив яблоко, стремительно побежал к ребятам.

– Эй, стой! – услышал он голос Карла Линна, главного белобрысого обидчика с маленькими острыми глазками и но-

сом картошкой, который тут же получил удар ногой в живот и с громким плачем упал на землю.

– Ах ты, деревенщина… – замахиваясь кулаком, едва успел сказать толстенький мальчуган, как был легко сбит с ног зло пыхтящим Томасом.

– Не надо! – уже умолял третий, обтягивающие рубашка и узкие короткие штанишки которого были явно малы размером, но получил тычок ладонью в нос и тоже оказался на траве рядом со своими товарищами по несчастью.

– Все, стой! Мы поняли! Больше не будем! – дружно завопили другие ребята, испуганно отбежав подальше и с любопытством наблюдая, как жалобно стонали и плакали, словно совсем маленькие дети, главные забияки младших классов, на обиженных лицах которых искривлялись скорченные горестные гримасы.

– Ого! – удивленно и радостно воскликнул встающий с земли Ален, как будто его еще полминуты назад никто и не бил вовсе.

Разгоряченный и молчаливый Томас стоял возле маленького мальчика, наклонив голову и злобно смотря на всех вокруг исподлобья, сжав кулаки, напрягшись до трясучки и тяжело дыша. Все ребята в изумлении и полной тишине смотрели на него. Кто в страхе, кто в восхищении. Может быть, пришлый Томас и был деревенщиной и катастрофически отставал в своих знаниях, но он вырос в дикой жесткой среде, поэтому его физическая мощь была куда больше избалован-

ных и изнеженных городских мальчуганов, хныкающих по любому поводу. Кроме того, в эту минуту все изменилось на более глубоком уровне, и Томас неожиданно для самого себя почувствовал неизвестно откуда взявшуюся абсолютную уверенность в себе и силу над другими. Только что он был никем и вдруг он уже контролирует все происходящее вокруг него, находясь в центре всеобщего внимания. В этот момент вся его душа неистово бурлила самими острыми эмоциями, которых он никогда прежде не испытывал. И они ему нравились.

– Зачем вы его били?

– Да мы и не били, – пытался отнекиваться толстяк, но тут же замолчал, увидев бескомпромиссный взгляд Томаса, готового поддать крепкого пинка.

– Нам просто змея жалко. Как мы его достанем теперь? – обидчиво спросил Карл, вставая на ноги, тщательно отряхиваясь и вытирая мокрые глаза запачкавшимися рукавами.

– И всего-то?

– Конечно. Тебе бы так.

– Учитесь, городские девочки! – демонстративно расслабленно и снисходительно произнес Томас, сдул с лица длинные волосы и, деловито потирая руки, гордо направился в сторону злополучного дуба. – Да я на такие по десять раз за день лазил.

– Ого! – снова удивился Ален и побежал следом.

На самом деле таких огромных дубов Томас никогда ра-

нее в жизни не видел. И по деревьям он не так много лазил, хотя и жил в лесу. По неведомой ранее причине нечто заставило его бравировать и не испытывать страх. Не без труда, рискуя упасть с высоты, под охи и ахи снизу, получив множество ссадин и царапин, он все же действительно смог добраться до змея и скинуть его к восхищенным ребятам. Хотя его уже ждали строгие преподаватели, готовые дать надолго запоминающуюся взбучку, он совершенно не беспокоился о последствиях, ведь теперь стал своим. Ради этого можно было вытерпеть многое, гораздо больше, чем предстояло.

После полученного строгого выговора лично от ректора Школы Томас вернулся в свой классный кабинет, пропахший акварельными красками после недавнего урока художеств, а также уставленный горшками с цветами и обвешанный рисунками диких животных, карт Селеции и портретами всех многочисленных королей Парфагона. По привычке он пошел к своей самой дальней парте у окна, на которой лежали аккуратно сложенные книжки с картинками, исписанные каракулями листы бумаги, а также чернильница с длинным измазанным пером. Обычно он скучал в своем углу в полном игнорируемом всеми одиночестве, но теперь обнаружил, что рядом с ним занял место этот вездесущий кошмар в запачканной рубашке по имени Ален:

– Ты видел, как они тебя испугались?

– Бывает.

– Ты что не знаешь, что это были самые сильные и плохие

ребята? Бандиты!

– Самые сильные? – удивился селянин, как бы равнодушно поглядывая в открытое окно и рассматривая барашков на небе. – Не заметил.

– Теперь о тебе все говорят, Томас Юрг, – вдруг смущенно произнес звонкий девичий голосок.

Обернувшись, юный герой увидел Марию Лури, маленькую девочку в светлом платьице в цветочек, обязательном для школьниц черном фартуке и ангельски белых носочках в черных сандалиях на пухленьких ножках. У нее были большие зеленые глаза с необычно решительным взглядом, черные волосы ниже пояса и округлые черты почти всегда серьезного лица с ямочками на розовых щечках. Она больше всех напоминала ему сестру Ирэн, хотя одноклассница лишь выглядела на три года, а по реальному уровню развития была близка к Томасу или даже выше него.

После этого дня любой ребенок младше семи лет мечтал дружить с Томасом, но так получилось, что ему комфортнее всего было общаться именно с рассудительной Марией и лукавым Аленом. Первая заменила ему потерянную сестру, а второй никогда не давал скучать. Конечно, временами бывший селянин пытался общаться со своими ровесниками и даже старшим на два года Карлом Линном, но он все же не мог найти с ними общий язык, так как его развитие значительно отставало.

Отныне окончательно расслабившийся Томас тоже полу-

чал удовольствие от дружественных детскому разуму познавательных уроков, и его уже никто не высмеивал, даже если он этого по праву заслуживал. Как часто бывает в таких случаях, самые красивые и неприступные девочки даже стали считать его простоту и отсталость своеобразной милой чертой, пикантной доброй изюминкой, хотя еще вчера брезгливо проходили мимо и боялись к нему прикоснуться, дабы не быть осмеянными даже за такой невинный проступок. Узнав о произошедшем, довольный Нильс лишь посмеялся и констатировал факт, исходя из своего богатого личного опыта, что отныне Томасу обеспечено гарантированное женское внимание всю его жизнь, чтобы он ни делал и чем бы ни занимался.

* * *

Теперь, когда сияющий Томас, припрыгивая, бегал в любимую Школу или из нее, у него было всегда отличное настроение, и он смог лучше изучить таинственный город, зачастую специально выбирая как можно более длительные маршруты. Парфагон оказался идеальным местом, в котором жили почти совершенные люди. Все в нем было продумано до мелочей, чтобы выглядело как можно симпатичнее, и при этом было максимально удобным и рациональным для повседневной жизни: красивейшие каменные или кирпичные жилые дома иногда выше Стены; аккуратные мага-

зинчики и вычурные театры; приятные мостовые из ровной брусчатки, по которым шиковали лакированные кареты; бушующий всевозможными запахами шумный рынок с узкими рядами, где торговали повседневной утварью и всегда самыми свежими продуктами; грандиозная Аллея героев, заросшая густыми каштанами и простирающаяся почти через весь город от самых Северных ворот до главной площади; вместительная круглая Арена с многоуровневыми трибунами, используемая для рыцарских турниров и массовых торжеств; пышущие зеленью элегантные парки, где горожанам всегда было приятно проводить время, выгуливая своих избалованных собачек и кошечек. Все это выглядело предельно уютно, комфортно и настолько чисто, что за все время Томас так и не увидел нигде грязи или мусора, будто город вовсе был ненастоящим, придуманным или воображаемым.

Безусловно, самым красивым и эффектным зданием Парфагона, поражавшим не избалованное воображение простого сельского мальчишки, был королевский замок, стоявший недалеко от Южных ворот. Огромное каменное строение имело четыре расширенных на вершине округлых башни, уходящих высоко в небо и видимых из любого района. К нему прилегала главная площадь города, где проводились традиционные ярмарки, наиболее важные празднования и публичные анонсы важнейших событий королевства. У парадного входа стояла высокая белая арка, украшенная детализированными барельефами с рыцарскими сражениями,

возле которой день и ночь несла вахту охрана из самых крупных, красивых и невозмутимых воинов, неподалеку от которых, в свою очередь, всегда дежурили небольшими кучками отчаявшиеся местные барышни в модных нарядах, безнадежно надеясь хотя бы на мимолетный случайный взгляд в свою сторону.

Еще большее удивление вызывали у любопытного Томаса сами люди, коих в необычном городе жило порядка пятидесяти тысяч. Причем численность преобладающего женщинами населения старались удерживать на одном уровне всеми возможными способами, так как древняя Стена физически не могла вместить всех желающих, а расширять город никто из королей не решался, ссылаясь на тонкости его внутреннего механизма. Конечно, такое ограничение было вовсе непросто сохранять, учитывая, сколь сильно обычные горожане хотели иметь свое собственное потомство. Именно по этой причине на весь город имелась всего лишь одна большая Школа, чужакам в Парфагон вход был заказан, а самих драгоценных детей следовало иметь исключительно от действующих рыцарей. В противном случае, нарушивших данный закон несчастных женщин ждало позорное изгнание или унизительное длительное заточение. Гарантированная популярность среди прекрасного пола мотивировала мальчиков с ранней юности определять свое будущее в военной сфере, поэтому ряды элитной армии, так необходимой для выживания королевства, никогда не редели, хотя туда брали далеко

не каждого желающего, и такая работа подразумевала высокую вероятность гибели в первые же годы опасной службы, особенно на близких к вражескому вулкану территориях, постоянно страдающих от набегов безумных и вечно голодающих мутантов.

Считалось, что счастливые жители идеального города достигли длительности жизни в невероятные сотни лет, но это было лишь на словах. Они действительно могли ощутимо влиять на свое здоровье и поддерживать практически любой выбранный возраст так долго, как хотели, но все это напрямую зависело от качества непростых навыков владения фазой. Кто-то ими едва овладевал даже после полутора десятилетий ежедневного обучения в Школе и поэтому оказывался на безрадостных обочинах жизни Парфагона или предпочитал его вовсе покинуть, дабы не позориться на фоне его сверхлюдей. Кому-то эти умения давались значительно проще, но даже самым удачливым фазерам в любом случае требовалось тратить много усилий для эффективного поддержания мутаций, фактически подстраивая всю свою жизнь под жесткий ежедневный график множества далеко не всегда удачных попыток вечером, ночью, утром и даже днем. Это настолько сильно утомляло и раздражало со временем, что измученные люди с каждым годом все меньше уделяли внимания практике и могли вовсе от нее отказаться, предпочитая, наконец, спокойно умереть естественным путем. Поэтому реально достижимая длительность жизни обычно не

превышала сорока или пятидесяти лет для тех, у кого были проблемы с фазой, а также не больше двухсот или в некоторых особенных случаях даже трехсот лет для признанных мастеров в этом вопросе.

Но в действительности и до векового рубежа мало кто доживал ввиду высокой смертности по массе не зависящих от человека причин. Чаще всех погибали еще молодыми рядовые рыцари, которым постоянно приходилось отражать остервенелые атаки мутантов Арогдора. Также нередко случались несчастные случаи или внезапные эпидемии, против которых не всегда удавалось найти быстрое и эффективное противодействие. Иногда могли происходить криминальные убийства или люди просто пропадали без вести, часто умышленно покидая городскую жизнь, устав от ее своеобразных правил и не всегда справедливых законов. Кроме того, в Парфагоне разве что не ежедневно сводили счеты с жизнью, но умиротворенные горожане довольно спокойно относились к таким поступкам, ведь на это существовали очевидные и понятные всем причины: столь долго жить в комфорте идеального города было действительно сложно, и люди зачастую просто теряли смысл жизни. Поэтому самоубийц все понимали и, по большому счету, толком не осуждали. За всю историю власти даже никогда не предпринимали каких-либо мер, чтобы бороться с этой вечной напастью, воспринимая ее как норму.

Парфагонцы не только веками сохраняли молодость, если

не погибали, но и относительно легко могли контролировать свою внешность. Они старались быть выше, иметь кожу белее, а черты лица пропорциональнее. Именно поэтому уровень владения фазой предельно четко определял всю успешность жизни в городе: иначе просто было невозможно получить и поддерживать свою неестественную красоту. На фоне отборных красавцев и красавиц Парфагона обычный смертный человек из-за пределов Стены смотрелся уродцем, даже если в любом другом месте его могли выбрать королем или королевой красоты. Лишь некоторые мужчины не особенно переживали по этому поводу и едва ли заботились о внешности. Конечно, чаще всего это были всеми желанные удалые рыцари, которым и без того в фазе приходилось заботиться о более насущной и продуктивной военной мутации тела, а внимание женщин было и так гарантировано по определению и хитрым местными законам. Среди же дам существовала невероятно обостренная конкуренция, и шло бесконечное соревнование космической красоты, без которой не было ни единого шанса соблазнить хотя бы одного самого захудалого и никчемного воина, а другие мужчины их мало интересовали по целому ряду веских причин, словно они были неполноценными.

Но имелись и обратные стороны очевидного счастья контролировать свой внешний вид. Проблема заключалась в том, что, когда все красивые, то все равно можно выделить более или менее привлекательных. Получается, нужно все-

гда к чему-то стремиться и остановиться на одном достижении невозможно. Также к этому стоит добавить все время возникающие модные тенденции. Например, когда Томас попал в город, это были огромные глаза и заостренные ушки, которые пытались нарастить многие дамы, вынужденные регулярно попадать в фазу, чтобы изменять или закреплять в ней выбранный шаблон своего ощущаемого тела, под которое постепенно подстраивалось физическое.

Поскольку важность фазы для граждан была крайне высокой, весь устой помешенного на ней города был подведен под максимально удобную и эффективную практику. Спать все обязательно ложились не позже девяти или десяти вечера, и говорить на улице не шепотом после этого времени строго запрещалось. Окончательно все просыпались с восьми до десяти утра, а потом у всех был еще один обязательный сон с двух до четырех часов дня, во время которого весь город буквально вымирал, одиноко затихая, словно в глубокой ночи. В это время парфагонцы сладко спали, продуктивно фазили, а также с превеликим удовольствием предавались некоторым другим, не менее полезным и радостным утехам.

Работали люди в Парфагоне неспешно и от силы несколько часов, обычно до обязательного дневного сна. И то, делали они это не больше четырех или пяти дней в неделю. Объяснялась такая ленивая занятость просто: благодаря распространенности фазы отпали многие задачи, на решение которых косвенным образом обычные люди за пределами Сте-

ны тратили основную часть своего времени. Один только вопрос вековой молодости позволял решить все материальные проблемы в первые десятилетия жизни. Потом человеку нужна была лишь еда, редкая смена гардероба или покупка сломавшейся утвари для дома. Все остальное уже имелось. А если все же у невезучего человека возникала плохая жизненная ситуация, то ее решал безусловный доход. Его суть заключалась в том, что каждому взрослому жителю Парфагона, вне зависимости от возраста, ежемесячно выплачивалась одна золотая монета или ее размен из десяти серебряных, чего хватало на неприхотливый ночлег и еду. Также в ходу были мелкие медные и еще более малоценные бронзовые монеты. Все они имели круглую форму при величине с ноготь большого пальцы взрослого мужчины, а на их поверхностях красовались вычеканенные толстый меч и лучистый пшеничный колос в обрамлении двух пересекающихся идеально ровных кругов.

Учитывая, что подконтрольные территории за защиту от мутантов обильно снабжали всемогущий Парфагон ресурсами и пищей, некоторым жителям города еще приходилось потрудиться, чтобы решить, как проводить лишнее время и на что тратить свои накопления. Это оказалось целой проблемой, вызывающей страшные неизлечимые душевные муки, а также бесконечный поток бросающихся со Стены самоубийц. Поэтому культурная жизнь в городе всегда била ключом, а торжественные бальные вечера в замке короля Аль-

берта Третьего проходили на еженедельной основе.

Весь этот жирный достаток, долгая молодость и избыточная масса свободного времени неожиданным образом повлияли на традиционные семейные ценности. Оказавшись в полном комфорте и независимости от кого-либо и чего-либо, многие зрелые мужчины и женщины предпочли жить сами по себе, входя во временные или множественные гостевые браки. Большинство просто стало получать примитивное удовольствие и радость от каждого дня жизни, как делал Нильс и даже сам король, который имел тайную, но все же всем известную слабость к совсем юным девицам едва ли оправданного возраста. Если, плевавшие на все мужчины могли легко и открыто себе в этом признаться, то, пугающиеся своих глубинных шокирующих позывов, женщины продолжали искать того единственного и самого лучшего, то ли придуманного, то ли настоящего. Они придирчиво перебирали ухажеров, снова и снова пытаясь заполучить своего несравненного и особенного, но, почему-то, конца этому процессу не было и не могло быть, а сам он значительно ускорялся, стоило женщине родить первенца от какого-нибудь снизошедшего до нее рыцаря. Каким бы хорошим не казался жених, всего через неделю или от силы пару месяцев обязательно находился еще лучше или еще интереснее. За небольшими исключениями, имитация поиска вечной любви была лишь благочестивым оправданием и хитрой ширмой чего-то иного, о чем было не принято говорить вслух.

При всем этом жители города имели некоторые жесткие ограничения, например в мутациях, в отличие от Арогдора, где за этим вопросом никто не следил. Специальная Этическая комиссия, возглавляемая ни кем иным, как самим Альбертом Третьим, запрещала определенные типы мутаций. Например, было категорически запрещено менять пол через фазу, стирать основные узнаваемые черты лица, создавать излишне пышные формы или уж тем более наращивать изначально не существующие у человека части тела. Поэтому рыцари могли лишь сделать себя значительно больше и сильнее обычных горожан, да и то, на такие кардинальные изменения разрешение было только у них. Также в городе были абсолютно запрещены любые наркотики, включая табак, увеселяющие напитки, азартные игры и многое другое, что могло разрушительно повлиять на развитие и жизнь человека, в том числе, все равно популярные в темных чуланах магические практики и религиозные культы.

Этическая комиссия также неустанно следила за тем, во что одевались парфагонцы. Было запрещено носить старую и грязную одежду, а также слишком броские и откровенные наряды. За неоправданно короткую юбку, чрезмерно глубокое декольте и излишнюю телесную наготу могли легко оштрафовать на десяток золотых или даже отправить в одну из Башен заточения, надолго отбивающую желание нарушать законы. Поэтому люди на улице всегда были опрятными и часто выглядели по самому последнему писку моды.

Женщины отдавали предпочтение облегающим платьям самых вычурных покроев, кожаным сапожкам или туфелькам, а на голове носили чепцы и шапероны, представляющие собой капюшон с длинным шлыком на спине и часто большой пелериной на плечах. Более знатные особы и модницы показывались на люди в неудобных пышных платьях и носили на головах геннин – высокую рогообразную или конусовидную шляпу с торчащим из макушки длинным прозрачным шлейфом, иногда доходящим до пяток. Мужчины же чаще всего обходились лаконичным балахоном, плотной кожаной курткой или подпоясанной рубахой поверх коротких штанов. На ноги они обували сапоги до колена или сандалии в жаркую погоду, а голову вовсе предпочитали оставлять открытой или надевали популярный у обоих полов и возрастов шаперон. Непременным атрибутом знати были широкоплечий короткий камзол, круглая шляпа с перьями, туфли с вытянутым носком, а также накидки и облегающие ноги колготки, неизменно вызывающие неудержимый смех Томаса, не раз поставивший Маргариту и Нильса в неловкое положение.

Полному счастью идеального города мешали только уродливые мутанты Арогдора, постоянно нервируя своими кровавыми набегами и являясь вечной угрозой благополучию. От полного порабощения врагом Парфагон умело оберегал своими дальновидными решениями Королевский совет, объединяющий все высшие должностные лица и руководимый непогрешимым королем Альбертом Третьим, за что

всеобщее почитание и нечеловеческая любовь его восторженных подданных не имела предела.

Альберт Штейн, как его действительно звали, правил Парфагоном последние 232 года из своих долгих 312 лет. Его семья правила королевством с самого его основания 948 лет назад, от чего и велось летоисчисление, так как до этого на Селеции была сплошная смута и темные времена. Именно приход на престол Альберта ознаменовал резкий скачок уровня жизни и развития технологии управления мутацией через фазу. До него все это было на непомерно низком уровне. Люди хоть и могли жить дольше и как-то влиять на свою внешность через фазу, но мало кто мог это делать качественно. Проведенные Альбертом тотальные реформы в конечном итоге привели к созданию того идеального и почти сказочного Парфагона, в который попал Томас. Именно поэтому в короле все не чаяли души. Все его искренне любили и уважали, чем неизбежно проникся и сам бывший селянин.

Личная жизнь короля была большим секретом в Парфагоне. Несмотря на то, что за все время у него числилось шесть официальных браков, недавно появившаяся на свет и оберегаемая от всех принцесса Элизабет была его единственным известным ребенком. Она родилась от некой тайной женщины, но Альберт все равно дал ей высокий титул, хотя и без права наследования престола. В случае внезапной кончины короля, власть должна была перейти в руки канцлера Питера Калицы. Об этом Альберт позаботился сам лично, ввиду

отсутствия других наследников и достойных претендентов на управление сложнейшими механизмами жизни Парфагона, о котором он так пекся два века кряду. Когда-то давно у него имелся кровный наследник, но творческая натура чувственного сына не выдержала жизни в идеальном городе, и он трагически покончил с собой, едва преодолев порог юношества, на целый месяц погрузив в траур все королевство, уже успевшее свыкнуться с мыслью о том, что он рано или поздно должен был стать их правителем.

В относительном благополучии прошли следующие тринадцать лет. За это время изменилось многое. Во-первых, все забыли, откуда пришел Томас, и его не только теперь считали своим, но и гордились им, часто ставя в пример менее упрямым в достижении целей юношам. Во-вторых, он все же относительно хорошо овладел фазой, хотя на вход в нее по-прежнему тратил ощутимо больше усилий, чем многие жители Парфагона, с чем он ничего не мог поделать, как ни старался. В-третьих, Нильс Дор, его свободолюбивый приемный отец, все-таки дослужился до вожделенного звания трибуна и носил на своей широкой груди долгожданный серебряный жетон, отчего все больше проводил время в рискованных командировках за пределами безопасной Стены.

Томас, которому уже было восемнадцать лет, с нетерпением ждал, когда тоже станет рыцарем и сможет составить компанию приемному отцу. Он вырос плотным, мускули-

стым и высоким шатеном с густыми волосами до плеч. Его спокойные зеленовато-карие глаза, а также всегда уверенное выражение лица сводили с ума романтичных девушек своей задумчивостью и, то и дело, проскакивающими искорками простоты из сельского прошлого.

Как и большинство молодых людей, одетый в белую наглаженную рубаху с толстым кожаным ремнем на поясе, аккуратные коричневые штаны и начищенные башмаки со сверкающей медной пряжкой, Томас вместе со своими друзьями сидел на деревянной лавочке у высокой резной двери в кабинет ректора, который находился на втором этаже главного здания Школы. Из арок открытого коридора перед ними полностью просматривался такой им родной внутренний парк, где новые поколения будущих парфагонцев с радостными возгласами запускали свои разноцветные змеи высоко в небо меж шумящих на теплом весеннем ветру многовековых дубов.

– Как думаешь, они примут мою лабораторную работу? – выпучив счастливые глазенки, спросила шестнадцатилетняя Мария, которая выросла в весьма фигуристую румяную брюнетку и практически не отходила от него все годы учебы.

– А что у тебя было?

– Примут, – утвердительно покачивая головой, подсказал Ален – высокий жгучий брюнет с пронзительным взглядом черных глаз, сидящий по другую сторону от огромного Томаса. – Я бы принял. Сразу. Не думая.

– Как ты мог забыть? – обиделась Мария, но все равно еще больше повернулась своим глубоким вырезом в легком платье в цветочек под черным школьным фартуком.

– Как такое можно не заметить сыну Нильса Дора? – съехидничал Ален.

Томас аккуратно опустил глаза на грудь Марии:

– Я бы смог себе больше сделать.

– Ну ты и сволочь! – обозлилась подруга и обижено повернулась в другую сторону, скрестив пухленькие ручки. – Ну-ну!

– А что такого? Сказал, что думал. Я бы больше смог сделать.

– Ты вообще уверен в своих словах? – переспросил широко раскрывший глаза Ален. – Это как можно больше?!

– Да ему вообще не понятно, что надо. Все не так!

Дело в том, что на выпускной школьный экзамен по теории и практике фазы не распространялось правило жестких этических ограничений мутаций, и потому каждый достигал тех временных изменений собственной анатомии, каких мог себе только пожелать в самых смелых мечтах. Всего один раз в жизни парфагонцам можно было легально сделать все, что угодно со своим телом, и это не вызывало осуждения. Затем, без регулярной поддержки из фазы, мутации, как правило, сами полностью пропадали через недели или месяцы, в зависимости от сложности лабораторной работы.

Поэтому авантюрист Ален попытался сделать себя взрос-

лым красивым мужчиной, и ему действительно удалось добиться внешнего сходства с привлекательным тридцатилетним молодым человеком. Необычайно рассудительная Мария, самая успешная ученица в Школе, скромнейшая девушка в потоке, невиннейшее на вид создание, большая надежда своей семьи, сделала себе огромную сочную и упругую грудь, хотя и так была девушкой достаточно фигуристой по своей природе. Но Томас действительно не мог оценить такое ценное и страшно высокое научное достижение, как она ни старалась обратить его внимание. По меньшей мере две из трех девушек именно таким же образом старательно работали над своими лабораторными работами для выпускного экзамена. Стоит ли говорить, что каждая из них пыталась невзначай поинтересоваться у всех привлекательных парней, насколько плохо и неудачно у нее получалось, и какие бы изменения они внесли в проект, будь у них возможность. Как итог, уже несколько недель Томас видел одно и то же, и ему все это порядком надоело. Несложно догадаться, что сам он выбрал шаблон тела рыцаря по подобию трибуна Нильса Дора, что было типично для многих юношей, которые далее надеялись попасть в легендарную Рыцарскую академию и пытались таким незамысловатым образом лишний раз доказать свою пригодность к выбранной стезе.

Настала очередь Томаса, и он с едва сдерживаемым волнением вошел в пропахший геранью кабинет ректора Исаака Ньюртона, принимающего основной экзамен Школы. Томас

присел на стоящий в центре просторного помещения стул и морально приготовился к детальному расспросу. За одним столом с внимательно перебирающим бумаги ректором, одетым в черный камзол, сидели еще две учительницы Школы, которые стали практически близкими родственниками за все годы обучения, в отличие от Ньюртона. Отвратительно прилизанные волосы вездесущего ректора и, по совместительству, министра образования, ненавидели абсолютно все парфагонцы от мала до велика. Они были обречены поголовно проходить через его въедливые наставления и придирчивое отношение во время экзаменов на разных стадиях обучения в Школе или Академии. Наряду с удивительно пакостной манерой общения, Ньюртон также обладал не самой притягательной внешностью. Его бегающие и хитрые глазенки смотрели из-под огромного лба, а тонкие, едва заметные губы над маленьким детским подбородком вечно так и норовили выдать какую-то очередную гадость, совершенно не беспокоясь о задетых чувствах невинных людей.

Кроме дорогих сердцу учителей и уважаемого ректора, на будущего выпускника смотрел грозный портрет бородатого и упитанного Альберта Третьего в толстой позолоченной оправе в полстены, а также упирающиеся в высокий потолок книжные шкафы вдоль всех других свободных стен. Томасу тут же захотелось хотя бы просмотреть названия на этих обветшавших корешках явно редких и интересных трудов, не говоря уж о большем. Попав в развитый Парфагон и

быстро научившись хорошо и бегло читать, он постепенно, год за годом, с жадностью поглощал абсолютно все давно забытые Нильсом книги, которые были в его комнате. Он хотел узнать об этом мире как можно больше и перестать быть таким глупым деревенщиной, как его изначально все недруги обидно обзывали при первой же возможности. В итоге, он безвозвратно пристрастился к увлекательному чтению, и эта шелестящая бумажными страницами, всегда верная любовь больше никогда его не покидала, вне зависимости от его настроения и меняющихся увлечений.

– Лабораторную работу мы, конечно, принимаем, – начал своим писклявым голосом Ньюртон, с любопытством разглядывая крупный, хотя еще и не совсем рыцарский торс Томаса. – Правда, я бы на твоем месте попробовал что-нибудь иное.

– Спасибо! – глубоким довольным басом ответил улыбающийся Томас, хотя не совсем понял смысла второй фразы.

– Знаешь, это весьма удивительно, что тебе удалось достичь такой мутации, и что ты вообще можешь так хорошо сразить. Не напомнишь, кто были твои настоящие родители?

– Отец был очень известным охотником под Салепом, – гордо ответил бывший селянин, – а мама хлопотала дома по хозяйству.

– Странно… – ректор вопросительно посмотрел на сидящих рядом учителей, но те лишь улыбнулись, пожав плечами. – Очень странно.

– Я старался оправдать оказанное Парфагоном доверие.

– Похвально. Что ж, теперь расскажи нам все существующие на данный момент способы применения фазы, кроме анатомических и физиологических мутаций, что мы на тебе уже увидели, – важно произнес ректор и откинулся на спинку кожаного кресла, пристально смотря в глаза своего очередного выпускника, словно голодный филин на беспомощную полевку.

Наполнив свою широкую грудь воздухом с умиротворяющим специфическим ароматом стоящих на длинном подоконнике горшков с цветущей красной геранью, Томасу потребовалось не меньше десяти минут, чтобы только вкратце перечислить все способы применения фазы, которые он узнал на практике в Школе. Изучив техники перемещения и нахождения объектов в фазе еще в начальных классах, дети сразу приступали к путешествиям в ней по удивительным местам Селеции, бесконечному небосводу и лабиринтам времени. Затем они познали встречи с людьми в фазе, родственниками и друзьями, знаменитостями и историческими личностями, причем, не важно – живыми или мертвыми. Далее они углубились в относительно простые способы применения фазы для раскрытия творческих навыков, реализации явных и скрытых желаний, избавления от скованности в поведении и решения других тонких душевных проблем и недугов, а также развлечения и еще много чего другого. В старших классах Томасу также рассказали, что фазу

можно использовать для получения новых знаний и решения нетривиальных задач, но этот раздел науки был скверно изучен, поэтому такими недоработанными техниками было строго запрещено пользоваться простым парфагонцам, дабы нечаянно не навредить себе и окружающим.

Удовлетворившись точным ответом, учителя спросили Томаса о всех методах и техниках создания состояния фазы, другими словами, о способах входа в нее. Ввиду того, что ему было сложнее других освоить фазу сразу по многим причинам, эту тему он наверняка знал лучше всех иных учеников Школы. Сначала он рассказал о непрямом методе, когда различные алгоритмы техник применяются на пробуждении. Именно таким образом у него получилось попасть в фазу в первый раз. Потом он объяснил прямой метод, осуществляемый без сна, который ему до сих пор давался сложнее всего, впрочем, как и многим другим. Далее Томас поведал о всех тонкостях техник осознания во сне, что тоже считалось одним из вариантов достижения фазы. Закончил же он свой ответ перечислением всех неавтономных способов, включая различные механизмы, разнообразные вспомогательные растительные вещества и даже используемую в самых редких случаях работу в паре с партнером.

Затем еще около получаса, незаметно пролетевшего, словно считанные минуты, распаленный Томас воодушевленно рассказывал о техниках углубления и удержания фазы, перемещения и нахождения объектов в ней, парадоксальных

принципах управления ее пространством и его удивительными свойствами. Наконец, спросив еще несколько хитрых вопросов, дотошный ректор все же удовлетворился исчерпывающими ответами:

– Хорошо, Томас Юрг, – смотря в бумаги, пропищал он, – а где ты сейчас находишься?

– У вас в кабинете.

– Томас! – не выдержала одна из учительниц.

– А! В фазе нахожусь.

– Да? Это почему же? – поднял глаза Ньюртон.

– Потому что мы всегда в одном и том же месте. Фаза – это та же повседневная реальность, но с отключенной стабильностью пространства и утерянной связью с другими людьми.

– То есть, прямо сейчас вокруг нас фаза?

– Да, но стабильная. Реальность без стабильности объектов – это фаза, которой мы обучались в Школе, а стабильная фаза – это привычная реальность, в которой мы сейчас находимся.

– Хорошо. Почти понятно объяснил, но учителем я бы тебе тоже не советовал быть. Ставим отлично?

Ньюртон посмотрел на учителей и затем поставил подпись в изобилующий пометками аттестат своего очередного выпускника.

– Спасибо, ректор!

– Вот твои документы, – протянул бумаги и свою худую руку утомленный Ньюртон. – Удачи!

– Спасибо еще раз! – пожал Томас его обмякшую руку, получив необходимую для зачисления в Рыцарскую академию оценку.

* * *

Ближе к обеду следующего дня, который выдался солнечным и ветреным, взволнованные Томас с Марией и Аленом стояли в синих выпускных мантиях и квадратных академических шапочках на главной площади Школы, ожидая праздничную речь ректора. Чуть в стороне за действом наблюдали счастливые родители выпускников и их близкие, в числе которых пришли порадоваться за Томаса не только Нильс и его сестра Маргарита, но и верный друг семьи Ричард. Как и полагается в таких торжественных случаях, гости были в лучших парадных костюмах, а привлекающие всеобщее внимание рыцари в начищенных доспехах и выстиранных синих накидках. По центру площади возвышалась украшенная душистыми весенними цветами скульптура Альберта Третьего. По ее периметру над головами были развешены разноцветные флажки, протянутые через кроны вековых дубов, колыхавшихся в порывах ветра, а над всем этим грозно нависало главное здание Школы с башней и флюгером.

Наконец, под пронзительные звуки фанфар на украшенный дорогими тканями невысокий помост поднялся Ньюр-

тон в черном камзоле и такого же цвета колготках, облегающих его худые как спички ноги, обутые в модные черные туфли с длинным носком. Он еще сильнее прилизал свои волосы обслюнявленной расческой и подошел к деревянной трибуне, стоящей на фоне синих флагштоков с гербом Парфагона в виде двух пересекающихся колец:

– Да здравствует король!

– Да здравствует Парфагон! – завопили молодые люди.

– Приветствую вас, выпускники 961-го года и их близкие! – начал он своим писклявым голосом под дружные возгласы собравшейся толпы. – Вот и настал печальный и одновременно радостный момент нашего расставания. С одной стороны, мы больше не будем видеться с вами так часто, как раньше, но зато Парфагон получит новых полноценных подданных короля и храбрых защитников Стены…

– Я поражен тобой, – прошептал Ричард на ухо Нильсу. – Он уже без пяти минут один из нас. Кто бы мог подумать!

– Кто-то мог подумать, – подмигнул ему приятель, обняв за плечо растрогавшуюся сестру: – Если честно, я сюда только на лабораторные работы пришел посмотреть. У тебя случайно в следующем году никто из знакомых не заканчивает Школу?

– Ты Джавера не из зависти ли поймать хочешь? Он там – не раз в год, как мы, а с утра до вечера этим любуется!

– Каждый день? Может, ну его, короля нашего, а?

– Сбежим?

– А что? Ты только Лиленьку свою не бери.

– Я всегда знала, что он это сможет, – шмыгая носом произнесла Маргарита, не обращая внимания на еле сдерживаемый приступ смеха Ричарда, вытирая от слез свои и без того всегда грустные глаза. – Сколько же он пережил! Бедный мальчик.

– Да, шороху в Академии он наведет, – гордо отметил Нильс, и они все вместе продолжили слушать речь ректора, который когда-то выпускал не только их самих, но и многих их предков.

Когда нудная речь Ньюртона закончилась, академические шапочки под всеобщие ликование были выброшены вверх, а затем прямо на площади началось обильное пиршество и безудержное веселье последнего дня беззаботного детства юных выпускников. Непоседливые Мария и Ален так активно и упрямо пытались расшевелить всегда сдержанного Томаса, что все же смогли его вытащить на танцы и хороводы, что было для него крайне нетипично. Он просто не понимал смысла всего этого и чувствовал себя крайне неловко во время странных ритмичных телодвижений. Ему всегда казалось, что в этот момент все смотрят именно на него и незаметно смеются тому, как неловко и забавно он выглядит.

– Давай же, давай! – пыталась еще больше его расшевелить Мария.

– Что ты делаешь? – безуспешно пытался сопротивляться Томас. – Прекрати.

– Еще, еще!

– Ну, хватит уже!

– Нет, не хватит! – радостно, словно маленький поросенок, взвизгнула Мария, неожиданно повисла на его шее и мимолетно поцеловала в губы. Наконец, осуществив еще год-два назад запланированную провокацию, она тут же побежала дальше танцевать с другими молоденькими девушками, нарочито болтая во все стороны своей тяжелой, достойной самых высоких научных наград и восхищений лабораторной работой.

– Все-таки решилась, – засмеялся Ален, смотря на покрасневшего Томаса, который был не очень рад такому неожиданному происшествию. Только сейчас он до конца полностью осознал, что Мария с самого детства несколько иначе воспринимала их, как казалось, невинную дружбу. Всегда он смотрел на ее отношение к себе как на своеобразную веселую игру и ничего более. Теперь же он понял, что все становилось по-взрослому серьезно, и это могло иметь большие последствия, о которых он еще не задумывался.

После веселого празднования, когда настали сумерки, заскрипели сверчки и опустели тихие опрятные улочки идеального города, выпускники стали расходиться по домам, и Томас, как он обычно делал все последние годы, пошел провожать внезапно угомонившуюся Марию. На этот раз между ними впервые возникла некая интимная напряженность, как ему казалось, и он не находил тему, удобную для разговора,

чувствуя себя крайне неловко в такой непривычной ситуации. Девушка же, обняв крепкую и твердую руку своего обожаемого кавалера, наоборот чувствовала почти религиозное спокойствие и обволакивающее умиротворение.

– Завтра поступаешь в Академию? – наконец спросила она, предельно нежно заглядывая в его растерянные глаза, когда они уже стояли у двери небольшого, но аккуратного каменного дома семьи Лури на окраине Парфагона.

– Да. Я этого всю жизнь ждал.

– Я тоже.

– Да? – удивился Томас.

– Конечно. Удачи, мой рыцарь! И спасибо за поцелуи, – сказала Мария, снова быстро прижалась своими горячими и пухлыми устами к его губам, а затем, задорно оглянувшись, шустро скрылась за громко захлопнувшейся дверью.

Вновь опешивший Томас не совсем понял, за что его отблагодарили, ведь, вроде бы, не он был инициатором всех этих поцелуев. Да и вообще, он не знал, что теперь ему делать! Мария с самого начала казалась всего лишь очень близким другом, почти сестрой, и теперь ему было крайне неловко переступить новую грань отношений мужчины и женщины. Имелось в этом что-то неправильное, даже неестественное. Но эти двойственные мысли вскоре вытеснились завтрашним долгожданным поступлением в Рыцарскую академию, ведь совсем скоро он сможет начать мстить мутантам Арогдора за то, что они сделали с его невинной семьей мно-

го лет назад. Кроме того, чем больше проходило времени и чем старше он становился, тем сильнее у него укреплялась уверенность в том, что бедная Ирэн выжила, и он сможет ее рано или поздно найти и спасти. Осталось только лишь зачислиться в Академию.

Из-за своих переживаний Томас отвратительно спал ночью, отчего не попал в фазу, так необходимую для поддержания рыцарской мутации. Хотя одна пропущенная ночь или даже неделя критического урона внешнему виду не наносила, он все равно очень переживал и еще хуже мог справиться с усиливающимся волнением.

Как итог, с первыми лучами солнца он уже стоял у аскетически оформленного огромного серого каменного здания с редкими узкими окнами, увенчанного двумя Башнями заточения и тремя стальными щитами в человеческий рост с лаконичной гравировкой простого герба Парфагона. Здание стояло на северной окраине города и примыкало к защитной Стене. Рядом с ним и внутри никого не было и не могло быть еще долгое время, ведь счастливые жители Парфагона вставали значительно позднее рассвета, умело защищаясь от наступающего дня плотными шторами или специальными тканевыми повязками для глаз. Сделав два круга вокруг почитаемой с раннего детства Академии, ее вспомогательных строений и разящих характерным сельским запахом конюшен, Томас уселся под крепкой деревянной дверью с высоким проемом и толстой чугунной ручкой, рассчитанными на

могучих рыцарей, а затем неожиданно для самого себя снова провалился в глубокий сон.

Проснувшись спустя несколько часов, он обнаружил у заветного входа целую толпу знакомых лиц из Школы, ведь стать рыцарем было невероятно почетно и к этому стремились практически все молодые люди, которые теперь нервно ждали прибытия судьбоносной приемной комиссии. То и дело в здание входили и выходили разной степени величины молодые мужчины, курсанты Академии, которым уже разрешали носить престижный синий камзол с широкими плечами, а также кинжал на поясе. По их виду можно было легко угадать, на каком из пяти курсов они находились. Причем те, которые только заканчивали первый год обучения были самыми заметными, несмотря на наиболее скромные размеры мутировавшего тела. Их нарочито снисходительные ухмылки и пренебрежительные взгляды смешили и одновременно раздражали всех без исключения, особенно уравновешенных курсантов самых старших курсов, которые внешне не отличались от действующих рыцарей и ожидали скорого распределения по неспокойным гарнизонам у вулкана.

Вдруг толпа абитуриентов оживилась:

– Идут, а ты чуть не проспал, – откуда ни возьмись, появился рядом вездесущий Ален. – Вот было бы смеху!

– И не мечтай, – ответил ему Томас, как ни в чем не бывало поднимаясь на ноги и активно приводя в порядок свою помятую и запылившуюся одежду. – Выспимся в Арогдоре.

Достопочтенная комиссия, состоящая из двух возвышающихся над толпой громадных рыцарей в ранге центурионов, судя по бронзовым жетонам на груди, и того же тщедушного ректора Исаака Ньюртона, быстро продвигалась к заветной двери в Академию мимо умолкших вчерашних выпускников Школы, уважительно освободивших для прохода узкий коридор.

Проходя мимо заспанного Томаса, спросонья едва отдающего отчет в происходящем, Ньюртон вдруг сделал раздраженное лицо, фыркнул и встал напротив. Офицеры в недоумении тоже остановились, как и вся толпа, замерев в томительном ожидании. Бывший селянин почувствовал что-то неладное, и в его глазах внезапно потемнело, а перед взором забегали белые огоньки. Ректор с явным презрением и весельем смотрел на него снизу своими маленькими глазами из-под непропорционально огромного лба. Казалось, если молчание продлится еще хоть одно мгновение, то сердце Томаса полностью остановится от страшного предчувствия.

– Ты что здесь делаешь? – пропищал насмехающийся голос.

– Не понимаю…

– Еще раз спрашиваю: что ты здесь делаешь?

– Я пришел поступать. Рыцари… Академия…

– Ты не можешь сюда поступать, – холодно отрезал Ньюртон, отчего вся толпа ахнула, а Томас отшатнулся назад. – Ты пришлый. Тебе запрещено уставом Академии и по тре-

бованиям безопасности Парфагона.

Всегда спокойный Томас даже не заметил, как волнение молниеносно сменилось гневом и агрессией:

– Что вы говорите?

– Ты, правда, этого не знал?

– У меня же есть необходимая оценка!

– Это пра-ви-ла и за-ко-ны, мой глупый друг. Иди домой и прекрати поддерживать запрещенную мутацию. Это разрешено только настоящим ры…

Ньюртон не успел договорить, получив страшный и гулкий удар твердым, словно кремень, кулаком в свою хрустнувшую крохотную детскую челюсть, отчего, аки легкое воробьиное перышко, отлетел на руки удивленных вчерашних школьников, где по-девичьи смешно ахнул и потерял сознание, а может, и просто сделал такой вид. Опытные и сильные офицеры тут же бросились на озверевшего Томаса, не дав ему забить ректора до смерти, и, несмотря на ожесточенное сопротивление, легко повали его на прогретую солнцем брусчатку, плотно прижав шею мечом и проткнув ее чувствительную кожу. Ален хотел было броситься на помощь окровавленному другу, но был остановлен другим лезвием, внезапно появившимся у его растерянного и шокированного лица.

* * *

Проведя пару томительных недель в сырой Башне заточения, находящуюся как раз в здании Рыцарской академии, которая помимо подготовки воинов, брала на себя функции оборонного и полицейского ведомства, поникший Томас был все же освобожден и отпущен домой ко всеобщему обеденному сну одним из теплых дней незаметно наступившего лета. Скандальная история с избиением уважаемого ректора Школы и министра образования наделала много шума в городе, но почти все жители отнеслись с пониманием к существовавшим продуманным законам Парфагона. Сочувствующим людям осталось лишь испытывать жалость к несостоявшемуся рыцарю, и потому они старались не смотреть ему в глаза, когда он шел к дому с потухшим взглядом и изрядно исхудавший. Всю жизнь в городе он ждал момента поступления в Академию, а теперь его планы мести были безвозвратно разрушены у самого их основания, сойдясь в неравном бою с непоколебимым бюрократическим механизмом, перемалывающим судьбы из-за любых незначительных мелочей. Он не мог поверить, что Нильс или хотя бы кто-то из его многочисленных друзей с самого начала не знали, что Томас никогда не сможет стать рыцарем. Но почему они молчали, и все дошло до такого нестерпимо обидного публичного позора и унижения?

Когда он добрался до порога уже давно ставшего родным жилища Доров, его радостно встретила и горячо обняла Маргарита, которая все это время не находила себе места из-за переживаний о несчастном племяннике, вечном страдальце этой жизни. Она тут же заставила его немедленно помыться, хотя он, источая отвратное зловоние, упрямо сопротивлялся, а потом сытно накормила горячим и слегка пересоленным рыбным пирогом, после чего отправила отсыпаться на мягкой и свежей постели в своей комнате на втором этаже. Не пробуждаясь и не двигаясь, Томас мирно проспал до позднего вечера. Проснувшись в наступившей на Парфагон темноте, он зажег свечу и начал собирать в походный мешок наиболее нужные для жизни вещи: любимые книги, самую необходимую одежду, юношеский рыцарский инвентарь, а также небольшой мешочек с монетами, в том числе золотыми, которые были посильно накоплены за несколько лет, чтобы приобрести себе качественный взрослый меч.

В это время из-за Стены вернулся изможденный трибун Нильс Дор и, не снимая покрытые высохшей грязью доспехи, сразу же поднялся проведать своего приемного сына. Войдя в комнату своей бывшей библиотеки, ничего не подозревающий рыцарь попытался на эмоциях обнять Томаса, но тот дерзко оттолкнул его, чуть не свалив с ног, и замер, пристально смотря своим отчаявшимся взглядом исподлобья.

– Понятно, – неприятно удивился Нильс. – Думаешь, я знал. Так?

Однако Томас никак не реагировал и продолжал складывать в походный мешок свои вещи.

– И куда ты собираешься?

– Никуда.

– Думаешь, что я знал и молчал, видя твою мечту? Да?

– Ты не последний человек, Нильс.

– Я боевой офицер! – не выдержал и громко рявкнул обычно сдержанный рыцарь. – Мне насрать на этих штабных крыс и тупых бюрократов! Я с ними редко сталкиваюсь в своей работе. Их жопы трут штаны в Академии, а я каждый день рискую сдохнуть за Стеной. Понимаешь меня?

– И ты не смог ничего с этим сделать?

– Томас, пойми, я все время не находил себе места. Я обошел все инстанции. Я изучил все наши законы. Я был на приеме у канцлера. Но я не нашел ни одного выхода. Мало того, если ты продолжишь сохранять и развивать рыцарскую мутацию, они действительно предпримут жесткие меры в отношении тебя и, возможно, меня самого. Но мы что-нибудь придумаем. Найдем тебе полезное дело. Ты не горячись так.

– Найдем мне полезное дело? – усмехнулся Томас.

– Обязательно! Ты и не такое прошел.

– Не волнуйся: никаких санкций к тебе не будет.

– Конечно, я только о себе и забочусь все эти годы.

– Извини…

– Так что ты задумал?

– Ухожу. Туда, где я смогу встретить мутантов и наращи-

вать силу.

– Все это чушь, и ты не понимаешь, о чем говоришь. Не забывай, твои обязанности гражданина Парфагона действуют и за его Стеной.

– Это не проблема.

Взволнованный Нильс попытался остановить стремительно выходящего из комнаты Томаса, но тот вновь с силой его оттолкнул прочь и непреклонно продолжил свой путь. Трибуну лишь осталось выругаться и отчаянно пнуть книжный шкаф, отчего тот с грохотом рухнул, и старые книги рассыпались по деревянному полу.

Быстро и громко спускаясь на первый этаж, несостоявшийся рыцарь наткнулись на испуганную Маргариту, выбежавшую с кухни на шум сверху:

– Что случилось? Ты куда, Томас?

– Спасибо тебе, Маргарита, за все, что ты сделала, – обняв и горячо поцеловав в лоб добрую рыжую женщину, лишь хладнокровно ответил он.

– Как это понимать? – прикрывая рот рукой, она начала плакать, смотря на спускающегося следом растерянного Нильса.

– Спасибо за спасенную жизнь, Нильс Дор. Я всегда буду обязан тебе. Проси, что хочешь, но сейчас я должен проститься с вами.

– Да ничего мне не надо, дуралей. Не уходи!

– Это невозможно. Прощайте! – выходя за дверь, бросил

Томас, которого все еще пыталась остановить ничего не понимающая Маргарита:

– Стой же! Как же ты без нас?!

Томас увернулся от трясущихся рук рыдающей женщины, закинул на плечо тугой мешок и быстрым уверенным шагом направился в сторону тех самых ворот, в которые его ввезли тринадцать лет назад, тяжело раненного и едва выжившего в одном из самых страшных набегов арогдорцев последних десятилетий. На резонный вопрос сторожевого рыцаря о причине столь позднего выхода из города, Томас достал некогда так трудно добытую заботливым Нильсом драгоценную бумагу гражданина Парфагона и отрывистыми рывками разорвал ее в мелкие клочья, медленно опавшие у ног. Рыцарь тут же отдал сигнал, и огромные ворота открылись с переливающимся грохотом и скрипом в мертвой тишине уже заснувшего ленивого города.

– Томас!

Обернувшись, он увидел бегущую за ним в слезах Марию и нехотя остановился.

– Куда же ты? – подбегая, промолвила она, бросаясь ему на шею и целуя мокрыми солеными губами его безразличное лицо.

– Я вернусь в село.

– Что ты там будешь делать?

– Я теперь простой подданный короля и сам найду способ применить свои знания для борьбы с мутантами. Мне боль-

ше ничего здесь не нужно. Прощай!

– А я? Как же я, Томас? – не верила своим ушам еще недавно счастливая Мария.

– Еще увидимся. И передавай привет Алену, – лишь мог ответить сквозь застрявший в горле ком Томас, после чего вырвался из тесных объятий и быстрым уверенным шагом покинул жестокую столицу, оставляя в ней горько плачущую на коленях подругу и все несбывшиеся грезы, громко захлопнувшиеся за его широкой спиной вместе с тяжелыми воротами.

Глава 3
Награда Черного рыцаря

Часто останавливаясь на печальные раздумья и короткий сон, Томас, впервые во взрослой жизни оказавшийся в провинции, провел больше суток в неспешном пути по извилистой дороге на север прежде, чем оказался в знакомом с детства Салепе. По пути он проходил множество прохладных смешанных лесов и невысоких голых холмов, окруженных фруктовыми садами, бесконечными пастбищами и ярко-зелеными полями, на которых созревал будущий урожай и трудились лояльные Парфагону крестьяне. Ему навстречу часто попадались удивленные местные жители, пристально рассматривая странного чужака с ног до головы. Мужчины и женщины не могли понять, кто он такой, но все равно низко кланялись и снимали свои широкополые черные шляпы или светлые чепчики. Хотя внешне Томас уже не выглядел обычным человеком, он также еще не был достаточно велик для полноценного рыцаря. По признакам наличия мутаций и городской одежде все точно понимали, откуда он, но никак не могли понять, как его могло занести в эти края. По собственному желанию изнеженные горожане редко покидали безопасный Парфагон, и уж тем более не в одиночку и таком юном возрасте.

За прошедшие тринадцать лет сожженный мутантами почти дотла Салеп смог полностью восстановиться, будучи важным центром обширного и богатого округа. Оказавшись среди его вновь отстроенных улиц из деревянных домов, То-

мас в первую очередь отправился на тот самый рынок, где его трудолюбивый отец продавал добытые в лесу ресурсы, чтобы прокормить свою молодую семью. Уже на подходе к многочисленным торговым рядам с деревянными прилавками, загруженными товарами, он услышал галдящий шум толпы торгующих, почувствовав знакомый с детства, смешанный букет резких запахов сырого мяса, горячей выпечки, душистых специй, собранных в лесах лечебных трав, а также прошлогодних овощей и тут же запекающихся на углях аппетитных кур и индюков. Прямо у входа на рынок стояли четыре новые телеги Королевской службы сбора дани, куда высокие и красивые молодые люди, под восторженные взгляды местных хихикающих девушек, без устали грузили богатую дань населения в виде свежих продуктов, монет и любых других востребованных в столице ресурсов. Пройдясь по узким рядам и с улыбкой понаблюдав за нисколько не поменявшимися повседневными заботами селян, Томас прикупил на две медные монеты увесистый кусок вяленого мяса и пару теплых хлебных лепешек, а затем направился дальше на север к своему родному селу.

Его настрадавшееся сердце сжималось все сильнее и сильнее, когда он подходил к своим родным местам. Он до сих пор помнил каждый поворот этих дорог и потому легко узнал место, где упал в лужу с головастиками, когда бежал за отцом. А чуть дальше в хвойном лесу, насыщенным ароматом сочащейся из стволов густой желтоватой смолы, его

пыталась остановить соседская женщина за минуту до этого. И вот, наконец, Томас вышел на окраину поселения и сразу почувствовал знакомый с рождения запах немного отдающих навозом крестьянских дворов. Он оптимистично надеялся увидеть не больше пары уцелевших хозяйств, но к своему удивлению обнаружил полноценно возродившееся село, в котором едва ли хоть что-то напоминало о случившемся много лет назад горе. Пройдя по улице из новых деревянных домов, поражаясь увиденному, он остановился напротив того самого кирпичного дома кузнеца Макса Ланка, у порога которого возвышалось высокое ореховое дерево, и который он почти ежедневно с содроганием вспоминал все эти годы. То из-за одного, то из-за другого угла строения выглядывали два коренастых мальчика лет трех и светловолосая девочка чуть постарше. Босые и лохматые, они носили мешковатые туники, напомнившие Томасу, как он вместе с Ирэн точно также выслеживал странных чужаков в селе.

Из трубы мастерской возле дома шел бурый дым и был слышен звонкий грохот тяжелых ударов о наковальню. После небольших раздумий Томас решился войти внутрь жилища, но у двери наткнулся на выходящую пожилую даму с маленьким круглым лицом и голубыми глазами. Эти знакомые черты он уже когда-то видел и быстро вспомнил, что это была жена кузнеца, некогда красивейшая женщина округи.

– Макс, иди-ка быстро сюда! – крикнула она, вытирая руки о желтый фартук и с подозрением оглядывая симпатич-

ного молодого человека в городской одежде.

Из мастерской перестал доноситься грохот ударов и послышался раздраженный ответ:

– Что там опять такое?

– Ну, иди же быстрее!

– Снова что-то придумала… Иду.

Во двор вышел вспотевший пожилой мужчина в черном фартуке на обнаженном торсе, прожженных штанах и массивных сапогах по колено. У него была солидная окладистая борода и исполинский для обычных людей рост. Несмотря на возраст и седую растительность на голове, широкой груди и руках, он был необычайно хорошо и мощно сложен. Не бросая молота, он настороженно подошел к Томасу, выглядящему слишком странно для здешних мест. Мужчины молча смотрели друг другу в глаза, пока юный гость не выдержал:

– Вы меня не узнаете, Макс?

– Должен?

– Я Томас Юрг.

Стоящая рядом женщина тихо ахнула, медленно отшатнулась назад и прикрыла руками рот от изумления. Смутившийся кузнец начал еще пристальнее вглядываться в молодого человека, стоящего напротив него, пытаясь уловить что-то знакомое в его чертах.

– Не может быть, – наконец смог произнести могучий селянин и схватил в свои крепкие объятия Томаса, чему тут

же последовала его растрогавшаяся жена:

– Где ты был? Где твоя сестра?

– Кто такой Томас Юрг? – вдруг раздался осторожный детский вопрос из кустов.

– Он пропал много лет назад, когда мутанты пришли. Беги, расскажи всем соседям. Быстро! – скомандовала женщина, и девочка в сопровождении своих мальчишек побежала в центр села, с любопытством оглядываясь на странного земляка.

Ближе к вечеру все без исключения местные жители собрались во дворе дома кузнеца, где был по-простому, но сытно, накрыт большой стол и юному горожанину впервые в жизни пришлось попробовать сладкого вина, как бы он ни пытался отказаться от запрещенного в пределах Стены напитка. Что бы он не сказал и что бы не сделал, радостные односельчане без устали восторгались им, окружив его плотным бормочущим кольцом, словно пчелы у забытой тарелки с приторно-сладким сиропом. Их поражал его внешний вид и, конечно, поведанные удивительные истории об укладе столичной жизни почти сказочного Парфагона. Особенно это было интересно детям, выглядывающим из-под ног взрослых. Самые смелые пытались незаметно его потрогать, что он им охотно позволял, в каждом из них вспоминая себя и свою сестру.

Немного охмелевший Томас смог узнать лишь не больше четверти жителей родного села. Как оказалось, мало

кто пережил ту страшную трагедию, но зато все выжившие вернулись обратно и попытались восстановить размеренную жизнь, как это сделал Макс с женой, волею случая потерявшие всех своих пятерых детей. При этом никто не слышал вестей от Ирэн, и оставалось лишь гадать, что уготовила ей судьба в логове мутантов. Как и других невинных жертв внезапного рейда Арогдора, родителей Томаса похоронили на старом кладбище, что было на восточной окраине села. Он почти каждый день навещал их, временно поселившись в том же самом доме кузнеца, в погребе под которым провела последнюю ночь его дружная семья.

Несостоявшийся рыцарь все еще находился в жуткой душевной растерянности. С самого первого дня пребывания в Парфагоне у него была совершенно четкая, понятная и простая цель: стать бравым воином и затем жестоко мстить Арогдору и его предводителю Варнеру Эйзенбергу, генералу Джаверу и всем его мутантам. Теперь же выяснилось, что вся эта многолетняя дорога оказалось тщетной с самого начала, все безвозвратно рухнуло, и теперь нужно было придумать новый путь к заветной цели своей жизни. Находясь в этой неопределенности и полной душевной растерянности, он решил продолжить наращивать уже известную ему рыцарскую мутацию, надеясь постепенно найти ей соответствующее применение. Хотя такое вмешательство в человеческую природу было нелегально на всей подконтрольной королю территории, Томас был глубоко убежден, что его ни-

кто никогда не обнаружит в этом затерявшемся в лесах селе. По большому счету, он был вынужден действовать и думать подобным образом, так как не мог ни на каких условиях отказаться от своих грез. С одной стороны, он начинал жалеть, что на эмоциях безвозвратно покинул столицу, ведь неотступный Нильс и вправду мог рано или поздно найти какой-то выход из сложившейся тупиковой ситуации. С другой стороны, пусть и таким нелегальным и сомнительным способом, он продолжал идти по стопам свой мечты, что не могло не согревать его сердце.

Односельчане, по сути крайне добрые, открытые и совсем простые люди, особенно на фоне образованности Томаса, с большим пониманием и даже трепетом отнеслись к его пожеланиям. Ему не только дали кров, но и всячески опекали и заботились о нем, испытывая гордость за его судьбу. Чтобы он смог зарабатывать себе на еду, которая была нужна в огромных количествах для поддержания наращивания массивных мышц и скелета, его взял к себе в помощники сам кузнец. Хотя пришлось потратить некоторое время на обучение необходимым навыкам чуждого ручному труду Томаса, его нечеловеческая, с каждым днем возрастающая сила оказалась весьма кстати для такой тяжелейшей профессии. Таким образом, дела мастерской пошли в гору, и удалось начать действительно хорошо зарабатывать.

* * *

Однажды, проработав все утро с немногословным Максом и между делом все же расспросив его о своей семье, уставший Томас зашел за кузницу и присел у стога душистого свежескошенного сена, облокотившись на него спиной и с наслаждением прикрыв глаза.

Оказалось, в его прошлом имелись загадки, о которых он не мог и подозревать. Если его отец был потомственным охотником и его предков знали в округе издавна, то мать была большой тайной для селян. В один день он ее просто привел после долгой отлучки, уверив, что они познакомились в одном из отдаленных поселений к юго-востоку от Парфагона. Якобы между ними вспыхнула пылкая любовь с первого взгляда и она сразу же согласилась уйти с ним. Все бы ничего, но поначалу молодая особа выглядела уж слишком привлекательно и носила немного странную для крестьян одежду. Ее поставленная речь, чрезмерная чистоплотность, отсутствие многих примитивных навыков ведения хозяйства и необычные манеры столь разительно бросались в глаза, что сразу же поползли слухи об ее принадлежности к столичной знати. Вполне вероятно, она была парфагонских кровей, хотя со временем полностью адаптировалась к провинциальной жизни и гармонично слилась с окружающей простотой. Правда ли это – никто наверняка не знал. А если это так, то

Томасу все равно оставалось лишь гадать, что ее могло заставить уйти за Стену и при каких обстоятельствах ее мог встретить отец.

Витая в загадках прошлого своих родителей и грандиозных мечтах о будущем, он почувствовал, как уверенная расслабляющая волна начала мягко обволакивать его измаранное грубым трудом молодое тело, а мысли стали проваливаться в бесконечную череду устойчивых картинок и сюжетов неглубокой дремы. И вот, Томас уже практически уснул, как сознание вдруг снова включилось, тем самым напомнив ему про натренированный в Школе навык прямого входа в фазу. Попытавшись, не напрягая мышц, применить несколько техник, он не смог сломать стабильность пространства и потому стал снова погружаться в забвение, провалившись в неглубокий сон.

Окунувшись в череду бессмысленных поверхностных сюжетов, уже через пару минут его сознание снова мягко включилось. Он опять начал неспешно чередовать техники вращения, фантомного раскачивания, визуализации рук, представления себя разделенным, а затем все сначала по кругу. А потом он снова уснул и снова проснулся, вновь перебирая техники. Вдруг упрямый Томас ясно почувствовал, что у него все же получилось добиться реального ощущения вращения вокруг своей продольной оси. Это означало, что физическое пространство сломалось, и он оказался в фазе! Тело быстро загудело, а в ушах возник знакомый стягивающий

мозг шум, и вмиг обрадовавшийся Томас немедля попытался просто встать с земли. Хотя сначала движения показались тяжелыми, уже вскоре он все же смог подняться на ноги, отчего тут же прекратились вибрации в теле и практически осязаемые звуки в голове.

Томас сразу же побежал по проселочной дороге, интенсивно обтирая друг о друга огрубевшие руки и разглядывая в деталях глубокие линии на ладонях. Как итог, возникла не заставившая на этот раз себя долго ждать гиперреалистичность: зрение стало настолько острым, что можно было разглядеть каждый листок на самой отдаленной макушке дерева, а насыщенность красок пространства возросла чуть не в два раза относительно обычного бодрствования, ослепляя своей сочностью и живостью. Это означало, что фаза углубилась и стабилизировалась. Теперь ее можно было применять для обязательно заранее определенных целей, полезных или интересных. Хотя Томас изначально был высокого роста и ощущал громоздкую массивность, поскольку его фазовое тело за последние месяцы уже привыкло к шаблону рыцаря, он все равно попытался почувствовать себя еще больше и сильнее. В ответ, после некоторой паузы, его тело действительно стало интенсивно расти. Он буквально чувствовал, как с глухим треском его тело раздавалось вширь и вверх. Теперь, достигнув нужных габаритов, ему нужно было их только удержать как можно более длительное время. В этом состояла как раз самая большая проблема в практике фазы, так как

пространство все время пыталось восстановить свою незыблемость.

Лучше всего этот вопрос можно было решить заранее приготовленным динамичным планом действий. Обычно Томас банально развлекался, летая в небе, словно быстрый сокол или плавая в воде как хищная рыба, но на этот раз он решил вновь навестить сестру, о которой вспоминал в селе каждый день. Взлетев вверх, он сначала увидел скачущего из леса рыцаря на черном коне, но не придал этому значения и, закрыв глаза, сфокусировал внимание на Ирэн, стараясь всем телом сохранять зафиксированное ощущение шаблона рыцаря. Тут же возникло стремительное движение, и он оказался в какой-то крохотной комнатке, где почти ничего не было, не считая столика на тонких ножках и многочисленной женской обуви в углу. В центре стояла кровать, занимая почти все пространство, на которой под покрывалом из бурого меха беззаботно валялась красивая и нагая девушка с каштановыми волосами.

Понаблюдав со стороны, Томас улыбнулся и провел рукой по ее нежной теплой щеке, отчего Ирэн открыла свои большие и всегда веселые глаза, а затем зевая присела на кровати:

– Привет!

– Все спишь и спишь тут, – рассмеялся Томас.

– Ну и в задницу ты забрался, – вдруг непривычно грубо сказала Ирэн, с силой дергая Томаса за руку.

– Не понял. Ирэн?

Зрение и восприятие тела стали быстро растворяться в серой пелене, почему Томас судорожно стал пытаться удержать фазу, насыщая себя всеми доступными ощущениями. Для этого он активно щупал гладкие доски пола и мягкую кровать, всматривался в линии на руках и мелкие бугорки на стенах. Активно двигаясь, ему довольно быстро все же удалось восстановить стабильность взбесившегося пространства, но на этом сюрпризы не заканчивались:

– Почему у тебя правая рука такая мозолистая и мускулистая? – каким-то поразительно знакомым мужским голосом заговорила Ирэн и снова дернула его за руку.

На этот раз все резко пропало, пространство восстановило свои привычные свойства, и Томас нашел себя сидящим у стога сена. Перед ним в комичных доспехах стоял Ален Оспе и рассматривал своего старшего товарища с лукавой улыбкой на губах. Поскольку он только приступил к рыцарской мутации, его тело еще мало чем отличалось от обычных людей, и потому даже самый маленький курсантский панцирь болтался на нем, как кастрюли на плетеной изгороди за спиной.

– Как насчет закона не трогать спящих людей? – обозленно и одновременно радостно спросил Томас, вставая, чтобы обнять своего приятеля.

– Мы ж не в Парфагоне, а ты простой смертный деревенщина, – как всегда легко парировал Ален. – Я еле тебя отыскал в этой дыре. Мне уже давным-давно пора возвращаться.

– Осторожней со словами. Я тут родился.

– Ха, тогда понятно, почему ты всегда был таким дуралеем!

– Так, могущественный рыцарь, – с сарказмом осмотрел своего собеседника Томас, – что Вас сюда занесло?

– Считай меня психом, но я больше не могу слушать сопливые причитания Марии и кое-что придумал.

– Ты придумал? Уже настораживает.

– Помнишь про ежегодный турнир?

– Это теперь не ко мне, – разочарованно ответил Томас. – Это все? За этим ты сюда приехал?

– Ты не понимаешь! Я изучил все правила и законы, посоветовался с Нильсом…

– Нашел, с кем советоваться.

– Не перебивай! – Ален больно ткнул друга в плечо и продолжил: – Так вот, это открытый турнир! В нем может участвовать, кто угодно. Помнишь, как каждый год всякие деревенщины вроде тебя выбывают в первом же туре?

– Предлагаешь сразиться с лучшими рыцарями, а потом в фазе еще новую руку или ногу отращивать? Молодец. Спасибо за идею. Как бы мы жили без таких заботливых друзей?!

– Это не все. Какой приз за победу?

– Сто золотых, как всегда.

– Или?

– Что «или»?

– Или любая личная просьба к королю.

– Это точно возможно? Всегда думал, что это слухи.

– Именно поэтому я тут, глупец. Не это ли твой шанс?

Нахмурившийся Томас уставился в пустоту и задумался. Этот авантюрный план хоть и выглядел отчасти логичным, с точки зрения фактического выполнения его было трудно не назвать сумасшедшим. Как можно победить лучших из лучших рыцарей, которые десятилетиями оттачивают своим боевые навыки? Каковы шансы, что Альберт Третий согласится на его нестандартную просьбу, даже если он каким-то невероятным образом выиграет турнир? С другой стороны, что терял Томас ради возможности иметь шанс продолжить свой путь среди легендарных воинов и преследовать главную цель своей жизни?

– Что сказал Нильс?

– План не реалистичен, прости. Но, если ты будешь пробовать, он поддержит и поможет. Решаешь ты.

– Я подумаю.

– Думай, – звонко бренча доспехами, новоиспеченный курсант Рыцарской академии оседлал своего молодого коня. – Смотрю, плохо без Марии. Слезы на глазах от вида твоей настрадавшейся руки.

– Ален, я теперь работаю в кузнице, – пытался оправдаться смутившийся Томас.

– И я там тоже горбачусь с утра до вечера.

– Прекрати. Серьезно работаю.

– Никому не расскажу, не переживай.

– Только попробуй это сделать, засранец в железках.

– Все, пока, кузнец!

– Вот сволочь… Пока!

Громко расхохотавшись, чернявый гражданин Парфагона пришпорил лошадь и быстро ускакал обратно в лес, оставив в глубокой задумчивости своего друга среди поднятой дорожной пыли.

* * *

В конце концов, после двух бессонных ночей раздумий и душевных метаний, обреченно решив, что выбора у него по большому счету нет, Томас осмелился попробовать сумасшедшую идею Алена.

Королевский рыцарский турнир проходил каждый год в последние выходные октября и был приурочен к завершению сельскохозяйственного сезона, когда все основные склады продовольствия доверху заполнялись данью с подконтрольных территорий. Это символизировало полную независимость и сытую жизнь Парфагона как минимум до следующей осени. За все время жизни в городе Томас в качестве самого активного зрителя не пропустил ни одного турнира и был хорошо знаком с его простыми правилами. Он отлично знал, что это был не только праздник храбрых воинов, но и самое ожидаемое ежегодное событие всей Селеции, почему король не жалел сил для запоминающегося проведения

праздника.

Торжество силы, доблести и красоты состояло из трех туров, но сначала следовал сугубо официальный этап прохождения строгой судейской комиссии, целью которой было отобрать шестьдесят четыре лучших претендента. После этого, в первом туре нужно было в арбалетной дуэли поочередно одолеть двух претендентов. Затем в конном сражении на копьях стояла задача поочередно сбить с седел еще двух других рыцарей. В третьем и самом опасном туре стояла цель выиграть полуфинальный, а затем и финальный поединок на мечах. Конечно, такие рискованные бои иногда заканчивались смертью и довольно часто увечьями среди участников, но такие мелочи не должны были отпугивать бравых воинов.

Хотя турнир провозглашался открытым для всех желающих, в нем было категорически запрещено участвовать лицам с подконтрольных вражескому Арогдору территорий, то есть всем, кто жил на вулкане и его подножиях. Наградою за победу было сто золотых монет, которые могли обеспечить безбедную жизнь на протяжении нескольких лет. Из-за столь высокого поощрения мало кто помнил о возможном выборе другого вознаграждения: личной просьбы к королю. За многовековую историю существования торжества ею никто так ни разу и не воспользовался. Казалось, несметное богатство в виде ста золотых монет могло само по себе совершить любое чудо и при этом все равно оставались средства на год безудержного кутежа, как раз до следующего турнира.

Спустя три дня после неожиданного визита Алена к гостеприимному порогу дома кузнеца пожаловали дорогие столичные гости в лице уважаемого трибуна Нильса Дора, красавца центуриона Ричарда Фейна и прекрасной выпускницы Марии Лури в ярко-зеленом волнистом платье в мелкий цветочек, впрочем, как и все другие ее повседневные наряды. Произведя неизгладимый шок на местных жителей своим парфагонским внешним видом, они все по очереди горячо обняли и поприветствовали засмущавшегося от такого внимания Томаса, также испытывающего некоторый стыд за свой импульсивный уход из города. Всегда все понимающий Нильс, как опытный и взрослый человек, вел себя так, как будто ранее не было никакой ссоры, словно вовсе ничего необычного не происходило. Он был уверен, что юному приемному сыну нужно было лишь дать немного времени, дабы переоценить сказанное и наверняка глубоко пожалеть об этом. В своих сильных руках он крепко держал за повод резвого молодого жеребца яркого черно-белого окраса, который привлекал всеобщее внимание своими белыми лохматыми щетками над копытами, а также длинной смолисто-черной гривой и пышным хвостом почти до земли.

– Новый конь, Нильс? Шикарный!

– Нет, мой дуралей еще жив. Это тебе.

– Что?!

– Какой же рыцарь без лошади?

– Это невероятно! – Не верящий своему счастью Томас,

почти подпрыгивая от радости, кругами заходил вокруг своего нового фыркающего друга с белым вытянутым пятном на переносице и большими умными глазами под лохматыми черными ресницами.

– Это Вектор. Ему пошел пятый год.

– Красивое имя.

– Хотел подарить тебе при поступлении в Академию.

– Правда? Спасибо!

Томас горячо обнял Нильса и сразу попытался неуклюже оседлать коня, но тот нервно заржал и встал на дыбы, скинув под всеобщий смех нового хозяина в грязную лужу. Собравшиеся вокруг неопытного всадника селяне и рыцари тут же его засыпали полезными и не очень советами по приручению своенравного животного, после чего всегда голодные воины дружно отправились на долгожданный ужин.

Хозяйственная жена кузнеца с радостью накрыла им богатый стол в той самой кухне, в погребе под которой когда-то прошли последние часы семьи Томаса. Впервые используемая праздничная скатерть ломилась от простых, но аппетитных сельских яств, по большей части состоящих из разных частей забитого молодого барашка, чтобы насытить трех исполинских рыцарей и ненамного отстающего от них кузнеца. Наевшись до отвала и с превеликим удовольствием выпив по большой кружке категорически запрещенного в Парфагоне крепкого вина, окончательно раздобревшие мужчины начали душевно решать, как им быть дальше. На дворе

уже стоял жаркий июль, поэтому для обучения у Томаса было всего три интенсивных месяца. За это время он должен был дополнительно набрать не менее пятидесяти фунтов веса и десяти дюймов роста, чтобы хоть немного приблизиться к рыцарским четырехстам фунтами и семи футам трем дюймам соответственно, являющихся разрешенным Этической комиссией пределом. При более массивных показателях возникали существенные проблемы как в эффективном управлении такой горой мышц, так и ее поддержании пищей и фазой. Отчего в полной мере и страдали более массивные мутанты Арогдора, лишенные вообще каких бы то ни было ограничений в таких вопросах.

Чтобы Томас мог правильно тренироваться, Нильс привез ему несколько тренировочных копий, старый меч со сколами и используемый в королевской армии арбалет. Специальные турнирные доспехи и меч изначально планировалось купить, но Макс безапелляционно решил, что его долг вместе с самими Томасом за три месяца успеть сделать их самому. Дело в том, что соревнование, кроме всего прочего, выполняло важную светскую роль чуть ли не показа мод. Дамы целый год напролет готовили для него свои самые лучшие наряды, пользуясь случаем лишний раз поразить вожделенных мужей более удачных подруг на трибунах Арены и привлечь внимание самых мужественных воинов, смело сражающихся на центральной площадке. Рыцари же не намного отставали от слабого пола, приобретая изготовленные на за-

каз дорогущие и уникальные доспехи и обмундирование, часто безумно жертвуя необходимой практичностью ради эффектной зрелищности.

Для обучения меткой стрельбе из арбалета, по совету Макса, было решено нанять известного охотника, дальнего родственника Томаса, о котором он никогда раньше даже не слышал. Конной выездке и травмоопасному бою на копьях вызвался обучить Ричард, один из лучших в этом виде. А за бой на мечах решил отвечать сам Нильс, не понаслышке знающий нюансы этого вопроса, ведь в свое время он несколько раз безрезультатно пытался выиграть турнир, когда был молод, и ему это еще было интересно.

В итоге, к невероятной мотивации Томаса добавилась завидная комбинация из самых лучших наставников в каждой отдельно взятой дисциплине. Безрассудная и смелая задумка с турниром уже на этом этапе больше не выглядела бредом. Может быть, даже сам Ален не подозревал, что его безумная идея может оказаться столь реалистичной.

Не осталась в стороне и всегда отличавшаяся активной деятельностью и настырной заботливостью Мария. Ко всеобщему удивлению, она вовсе вызвалась добровольно остаться на время в селе, чтобы помочь решить всевозможные бытовые вопросы, а также придирчиво следить за графиком тренировок и так необходимой фазовой практики, тем самым позволив не отвлекаться от подготовки к турниру по мелочам. Несмотря на то, что ее простые доводы сильно рассме-

шили Нильса, поспорить с ними было действительно сложно. В этот хитрый и кем-то тщательно продуманный момент несчастный Томас начал подозревать, что его жизнь в некоторых личных аспектах начинает легонечко заворачивать на какую-то определенную дорогу и ходу обратно может уже не быть. Однако он тоже не стал спорить с рассудительной девушкой, так как впервые смог по-настоящему оценить преимущества Марии на фоне сельских женщин, которых он привык видеть последнее время.

Чистая, как безоблачное небо, ангельски белокожая, чертовски фигуристая от природы и доведенная до совершенства благодаря фазе, она впервые заметила, как пускающий слюни Томас смущается, украдкой бросая стеснительные взгляды на ее шикарное, облегающее верхнюю часть тела, платье с декольте строго-настрого запрещенной в Парфагоне глубины. Естественно, почувствовав коварное преимущество и неодолимую силу, она искусно делала донельзя серьезный, деловой и незаинтересованный вид, будто речь шла вовсе не о Томасе, который словно был ей совсем неинтересен. Этим она окончательно сбила его с толку, как это с самого рождения хорошо умеет абсолютно любая настоящая женщина.

Насытившиеся и полностью расслабленные от отнюдь не сухого вина гости решили остаться на ночлег у кузнеца, чему были несказанно рады хозяева дома. По удивительному стечению обстоятельств именно Марии не досталось свобод-

ной комнаты, а в соседских домах ей было страшно спать без должной рыцарской охраны. Обрадовавшемуся Томасу ничего не оставалось, как предложить эту ночь, одну-единственную и исключительную, остаться в его скромной комнате, где кроме одного соломенного матраса на полу практически ничего не было, если не считать стопку книг в углу и висящую на стенах военную амуницию. Единственным украшением, как считал Томас, был видавший виды склеенный плакат с неуклюже нарисованным рыцарем, прокалывающим мечем четырехрукого мутанта.

– Ты только не приставай к нему. Поняла? – нарочито серьезно попросил подвыпивший Нильс, зашедший пожелать доброй ночи. – Ни в коем случае!

– Конечно! Что вы?! – предательски покраснела Мария.

– Серьезно. Не прикасайся даже. Я знаю вас, баб!

– Ну, что ты говоришь? – попытался вмешаться Томас.

– Вырастишь – поймешь, – весело подмигнул Нильс. – Но советую тебе все равно сейчас не расслабляться. Всё. Всем спать. Это приказ! Пам-па, па-па-пам…

Выходя, поющий трибун сам громко захлопнул за собой дверь, за которой послышались его тяжелые удаляющиеся шаги, сотрясающие стены. В освещенной догорающей свечой комнате повисла неловкая тишина. Из открытого окна доносилось пение сверчков и дул теплый летний воздух, наполненный колоритными ароматами леса и села. Смущенные молодые люди молча стояли друг напротив друга и не

знали, как нужно вести себя дальше.

Неопытный в таких взрослых ситуациях Томас неожиданно растерялся и заволновался больше подруги, понимая, что именно он должен что-то предпринять. На его счастье, природа сама решила эту проблему, и некое внутреннее чутье подсказало аккуратно взять Марию за нежную ручку и медленно подвести к окну. Там, плотно прижав ее к себе за чувственную мягкую талию, он томно шепнул самые правильные для такого случая слова:

– Спасибо, что приехала. Я рад тебя видеть.

– Скучал? – опуская свои большие зеленые глаза и прикусывая нижнюю сочную губку, спросила еще тише Мария.

– Да, конечно, – не совсем искренне ответил Томас, но это был еще один верный ход в этой взаимно хитрой викторине.

– Думала, что мы больше никогда не увидимся.

– Что ты! Я бы нашел выход, чего бы мне это не стоило, – прозвучал еще один правильный ответ.

Снова возникла неловкая пауза. Томас почувствовал, что пора сделать следующий шаг. Причем не просто пора, а можно и нужно, сейчас или никогда. Осторожно нагнувшись к милой девушке, он переместил левую руку с талии на ее затылок и, вожделенно закрыв глаза, уверенно пододвинул милую головку к своим распаленным устам. Сначала он почувствовал пухлые и влажные губки, осторожно и скромно позволяющие к себе лишь едва ощутимо прикасаться, а также нежные ладошки, плавными движениями ощупывающие его

тут же напрягшиеся массивные и сухие мышцы рук под рубахой. Но уже через мгновение ни он, ни она не могли сдержать эмоции. Так быстро подпортив всю романтику, они слились в безумно жарком и страстном первом настоящем для них обоих поцелуе, о котором кое-кто терпеливо мечтал целое десятилетие.

– Все, – вдруг строго и неожиданно отрезала Мария, уверенно оттолкнув Томаса. – Нам пора спать.

– Спать? Да, конечно.

Расстроившийся горе-любовник задул свечу, в полумраке снял с себя верхнюю одежду, лег на грубый матрас со стороны двери и отвернулся, обреченно вздохнув. Мария же уже была переодета в накидку, под которой сияла в свете луны белая ночная сорочка. Она демонстративно легла с другого края, повернувшись к окну, и накрыла себя явно давно нестиранным покрывалом. Уже в который раз возникла тишина, перебиваемая вовсе не музыкальной трелью содрогающих стены храпов трех других массивных мужчин в доме.

– Спокойной ночи, Томас, – холодно пожелала Мария спустя не менее пяти минут.

– Сладких снов, – пожелал кавалер, зевая и переворачиваясь, при этом как бы невзначай кладя руку на ее талию.

– Томас!

– Что?

Якобы раздраженная Мария презрительно убрала его тяжеленную руку и бросила укоризненный взгляд, на миг по-

вернувшись к нему. Томас в этот момент окончательно понял, что его наивный организм совершенно зря весь вечер находился в болезненном радостном предчувствии. Снова глубоко вздыхая, ему ничего не оставалось, как вернулся на свой одинокий и холодный край матраса.

– Все-таки ты и вправду деревенский дурак, – тоже расстроенно вздохнув, произнесла Мария где-то с минуту спустя, пробуждая очередную надежду чувствительного организма Томаса. Он тут же снова повернулся, уже более уверенно положил руку на талию и начал ее нежно поглаживать, тяжело дыша и уткнувшись в густые и ароматные волосы.

Смелеющая с каждым движением рука Томаса совершала все более и более размашистые поглаживания. В определенный момент, проводя ею от бедра и до вожделенной мясистой груди, его ладонь стала получать ощущения, которых еще не было в его восемнадцатилетней жизни ни разу. Биение сердца Томаса немедля волнительно участилось, в теле возникла дрожь, а дыхание стало прерывистым и тяжелым.

– Поигрался, и хватит, – снова жестко отрезала Мария, этим немало поразив саму себя, словно нечто неосознанное контролировало ее губы и тело, проверяя выдержку и истинное мужское начало претендующего на продолжение рода молодого человека.

Но уже наученный Томас не останавливался и молча продолжал все наглее изучать наливную подругу, одновременно просчитывая в уме возможные шансы на успех.

– Я сказала, прекрати, – еще более решительным голосом попросила Мария, в действительности находящаяся на тонкой грани помутнения рассудка, безвозвратно погруженная в бесконечные волны предательских мурашек и приливов обжигающего тепла то к одному, то к другому месту ее неистово требующего ласки пока еще невинного тела.

Томас же продолжал, хотя уже и не столь уверенно.

– Так! – слышно на весь дом сказала Мария.

– Что?

– Ты не понял?

– Что именно?

– Поигрался и хватит. Спать!

– Ладно, – Томас убрал руку и зло повернул свой опечаленный организм на другую сторону.

– Ду-у-ура… – очень тихо и в отчаянии произнесла обескураженная своими собственными действиями измученная Мария, скрежеща зубами и вонзая тоненькие ноготочки в промокшую простынь. – Ду-у-ура.

– Что? Что ты говоришь? – встрепенулся Томас, почуяв очередную порцию надежды, хотя и не расслышал, что именно сказала подруга по несчастью.

– Так легко сдался, да?

– Как бы… Что?!

– Фи, рыцарь еще называется.

На этот раз стремительно, пока в дурной женской головке что-то снова не переключилось в совершенно ненужную

никому сторону, Томас жестко схватил ее обеими руками, страстно пытаясь охватить сразу все возможные обжигающе пылкие места. Затем он стал страстно целовать ее шею, губы, плечи, а в ответ она извивалась, закатывая глаза, тихо постанывая и постепенно проваливаясь в некое параллельное измерение, еще никогда доселе ею не изведанное.

– Ну, все! – опять встрепенулась она и из последних сил отбросила разгоряченного Томаса.

– Ты серьезно?

– А ты не соображаешь сам, да?

– Слушай, иди-ка ты куда подальше! – окончательно давая отбой своему героически настрадавшемуся организму, рявкнул взбешенный Томас. Он тут же вспомнил слова искушенного в таких вопросах Нильса, который сказал, что расслабляться не стоит, несмотря на такую очевидную победную компанию. Как это всегда бывает с мужчинами в эти дурацкие моменты, ему подумалось, что он в чем-то неправильно себя повел или, на самом деле, совсем ей не нравился. Почему еще она могла себя так странно вести? Она же не дура, так ведь?

Неиспорченный молодой человек просто не знал, что это было частью очень древней игры без понятных правил и осязаемых граней, разумных норм и соблюдаемых порядков. Стоило ему полностью разочароваться, окончательно повернувшись на бок, и попробовать побыстрее расслабиться, дабы попасть в фазу и там гарантированно продолжить

так и не начавшееся романтическое дело, как он почувствовал нежные прикосновения к своей спине и рукам. Разозленный Томас принципиально не реагировал на эти заигрывания и тогда горячие и трясущиеся пухлые губки сами начали целовать его шею и руки. И это уже была открытая и честная игра, тотальное сжигание всех последних мостов на огненном пути к бурному морю сладострастной нежности и коварного наслаждения, бесконечного всплытия и погружения в его бездонные затягивающие пучины.

* * *

Следующие три напряженных месяца пролетели для окунувшегося с головой в подготовку к турниру Томаса как три коротких недели. Его ежедневный график был жестко расписан по минутам, за чем непреклонно следила строгая в таких моментах Мария, не давая проявить слабину даже в самых невинных мелочах.

По несколько дней в неделю у них гостил нанятый дальний родственник, отдаленно напоминавший отца своей коренастостью и простыми чертами лица. Он приезжал со стороны западного моста через реку Змея для обучения Томаса меткой стрельбе из арбалета. Не меньше двух раз в неделю, но в разные дни, приезжали Нильс и Ричард, делясь мастерством боя на копьях и мечах. При всех этих тренировках Томасу было необходимо каждый день выезжать своенравного

Вектора, с которым уже давно хорошо сладил, а также с утра до вечера ударно работать в жаркой кузнице с неутомимым Максом, выковывая прочную и эффектную броню и амуницию. Также Томас должен был ежедневно не меньше трех или хотя бы двух раз попадать в фазу, по несколько минут выращивая шаблон рыцарской мутации, который нужно было заправлять обильной пищей в реальности, плотно перекусывая множество раз на дню.

Изначально юный Томас очевидно находился в самом проигрышном положении относительно любых других потенциальных участников соревнования. Однако никогда за всю историю Королевского рыцарского турнира никто так качественно и продуманно не готовился, привлекая самых лучших специалистов в своих областях. Все, кто участвовали в этом тяжелом процессе, включая самого Томаса, хорошо это понимали. Чем больше проходило времени, тем больше они обретали уверенности в его шансах на победу. Мотивированный до мозга костей, он так прилежно учился и тренировался, что заметно прогрессировал день ото дня, оправдывая самые смелые надежды.

Если все мужчины были заняты своим делом и едва ли думали о чем-то еще, то постройневшая Мария, как и полагается настоящей девушке, жила сразу в нескольких параллельных вселенных. Не считая периодических желаний то внезапно вернуться в цивилизованный город, то остаться навсегда жить ближе к природе в этом далеком селе, на пер-

вом месте у нее было развитие и, самое главное, долгосрочное планирование серьезных отношений с Томасом. На втором, весьма высоком месте был сам обреченный жених. Затем были заботы по быту, где они жили, а между всем этим она умудрялась следить за собой, достойно держа парфагонскую марку и делясь женскими секретами с простыми крестьянками, почитающими ее за святую. Каким-то невиданным образом ей также совершенно легко и непринужденно удавалось следить за плотным графиком Томаса, словно организация таких мероприятий было ее прирожденным призванием.

Естественно, сам турнир ее мало интересовал, хотя выиграть его не помешало бы. Почему? Потому что тогда она будет невестой победителя Королевского рыцарского турнира! Она еще не знала, в каком именно платье будет вызывать зависть и приступы ненависти всех придворных падших стерв, но определенно сможет к этому качественно подготовиться, используя свой весьма высокий для девушки интеллект и всегда проламывающую все преграды целеустремленность. Не зря же ей удалось с отличием окончить Школу и единственной захомутать, как она считала, самого привлекательного и перспективного мужика, всегда находившегося в центре всеобщего внимания. Все эти вселенные, в которых жила молодая девушка, только ненадолго отключались поздно вечером в нежных объятиях любимого, чтобы на следующий день с удвоенной силой расширяться дальше.

Буквально в последний день перед отъездом в Парфагон Макс и Томас смогли доделать завершающие элементы турнирных доспехов. В отличие от стандартной рыцарской защиты с панцирем и кольчугой, турнирная броня покрывала все тело воина латами и щитками, чтобы добиться максимальной безопасности, особенно в дуэли на копьях, но при этом сохранить свободу движений для поединков на мечах. С целью получить эффектный и дорогой вид, они добавили многочисленные кружевные декоративные окантовки и вставки из зеркально отполированной стали на плечах, груди и спине, а также строгую ярко желтую накидку, сшитую из редкого материала женой кузнеца. Шлем с продольной вертикальной пластиной на макушке имел выпирающее вперед угловатое забрало и был выдержан в стиле основных доспехов. По его бокам для устрашения красовались почти параллельные друг другу стальные соколиные крылья. У меча же был ребристый черен для двух рук, вытянутая крестовина и длинный клинок с широким зеркальным долом. Железная основа меча позволяла ему быть относительно гибким и упругим при жестких ударах, а наружный стальной слой придавал достаточную прочность режущей поверхности.

Отдельным вопросом была конская броня. Поскольку надорванным лошадям и так приходилось нелегко носить на себе тяжелых рыцарей, в доспехи их облачали только на турнирах. Дабы не тратить драгоценное время, кузнецам пришлось с помощью Нильса выкупить за четыре золотых моне-

ты старый конский панцирь, наглавник и шейные пластины у дальнего родственника одного из погибших бойцов и просто доводить все это до достойного вида. Отполировав, добавив кружевных окантовок и зеркальных вставок ко всем деталям брони откормленного Вектора, им все же удалось добиться схожести с основными доспехами.

И вот, ранним пятничным утром, облачившись в турнирную защиту, слезно попрощавшись с опустошенным кузнецом, его плачущей женой и всеми другими добродушными селянами, взволнованная молодая пара отправилась верхом на своих лошадях в Парфагон. До глубокого леса их провожали бегущие босиком по холодной земле веселые крестьянские детишки, столь полюбившие удивительных столичных гостей. При удачном стечении обстоятельств, Томас должен был остаться в городе, впредь и дальше прославляя маленькое село под Салепом. Однако Макс, на всякий случай, попросил жену оставить все его вещи на месте в приведенной Марией в безупречный порядок комнате.

К вечеру того же дня они прибыли к воротам грозного Парфагона. Хотя Томас чувствовал некий элемент предательства, глядя на заросшую мхом Стену и выглядывающие из-за нее башни идеального города, он все же до боли в сердце скучал по нему и в глубине души все это время мечтал снова стать его полноценной частью. Когда-то благо жить в этом удивительном месте ему досталась почти даром, а теперь предстояло заслужить кровью. Хотя он весьма ком-

фортно чувствовал себя в родном селе и, может быть, спокойно остался бы там жить до конца своих дней, но только столица могла дать ему инструмент мести за родителей и спасения исчезнувшей сестры. А это было главной жизненной доминантой, единственным стержнем его существования.

Строгие стражи ворот сразу узнали спрятанного в броне Томаса и немедленно выдали ему временное разрешение на пребывание в городе в качестве участника Королевского рыцарского турнира. Слух о его тайной подготовке где-то под Салепом активно муссировался среди воинов, искренне переживавших за приемного сына своего легендарного товарища, который стал жертвой жестких законов и непреодолимых обстоятельств. Никто всерьез не рассчитывал на успех храброго юнца, но сама отчаянная попытка решить вопрос, рискуя своей собственной жизнью, вызывала всеобщее уважение, а у кого-то даже и нескрываемое восхищение.

Проводив породнившуюся за последние месяцы Марию до родительского очага, где по ней все это время скучали дорогие родители, ее жених отправился к себе, едва веря в реальность происходящего и разглядывая знакомые опрятные улочки, вызывающие массу приятных воспоминаний из прошлого. Сняв тяжелейший конский панцирь и привязав утомленного Вектора у входа, где его ждало свежее сено, Томас вошел в ставшие родными стены дома приемного отца. На минуту он остановился на пороге и, закрыв внезапно на-

мокшие глаза, глубоко вдохнул тот самый знакомый с детства, доносящийся из кухни, запах сладкой выпечки и свежего хлеба, который он уже не надеялся услышать вновь. Затем, сытно поужинав в компании довольного Нильса и растроганной Маргариты в такой родной светлой столовой, он поднялся к себе наверх. Там, в пропахшей старыми книгами комнате, он почти сразу свалился спать в родную кровать, так как в субботу нужно было с утра явиться на этап прохождения предварительной судейской комиссии.

Проснувшись на следующий день, Томас и Нильс позавтракали на скорую руку и отправились на Арену, где проходил отбор участников турнира. Песочная площадка имела полукруглую форму и ее окружали деревянные многоуровневые трибуны, вмещавшие несколько тысяч человек. По всему периметру этих трибун, в верхней их части, шелестели на ветру огромные синие флаги с гербом Парфагона, изображающим два пересекающихся кольца. С южной стороны почти на одном уровне с площадкой был оборудован плоский помост, подиум, на котором всегда располагалась королевская чета и придворные высокопоставленные особы. Там все еще шли активные подготовительные работы, чтобы к воскресному утру всем дорогим гостям было приятно и комфортно наблюдать многочисленные поединки, которые должны были занять весь долгий день с самого утра.

Как и ожидалось, попасть в списки участников оказалось совсем не сложно. Сначала всех претендентов собрали вме-

сте и велели облачиться в свои доспехи. Затем их попросили взять короткие деревянные мечи и по одному проходить в центр круга из четырех офицеров-преподавателей Академии, которые увесистыми деревянными дубинками сбивали всех с ног. Хотя одолеть огромных и опытных рыцарей было практически невозможно, этот конкурс позволял быстро определить истинный боевой настрой каждого воина. Кто-то сразу же откровенно пугался и уходил в глухую защиту, быстро падая на песок, так и не произведя ни одной вменяемой атаки. А кто-то, как Томас и еще несколько дюжин других удалых бойцов, смело бросался в бой, ловко уворачивался от дубинок и хитрыми маневрами успевал задеть одного, двух или даже трех соперников прежде, чем быть в любом случае сваленным с ног тяжелейшими сокрушительными ударами.

В итоге, примерно из ста храбрецов были отсеяны шестьдесят четыре наиболее отверженных бойца и еще два запасных на случай, если кто-то из основного состава в последний момент не сможет принять участие в щекочущем нервы турнире. Как всегда, почти все участники были действующими рыцарями или курсантами Академии. Претенденты с внешней стороны Стены предсказуемо не прошли отбор, за исключением Томаса, одного небольшого шустрого парня в дешевой и легкой кольчуге, а также гордого вида брюнета с орлиным носом, лет двадцати шести на вид. Последний был в дорогих и необычайно красивых черных доспехах

с мелким орнаментом, кожаными вставками и такой же качественной черной шелковой накидке. Его жуткий угловатый шлем с шипами и вытянутым вперед забралом с узкими прорезями привлекал внимание и вызывал плохо скрываемый испуг у будущих соперников, даже если они были гораздо больше в габаритах. Хотя при регистрации молодой человек представился сыном известного торговца из южного города Новый Альберт, в подтверждении чего предоставил рекомендации от известных в тех краях людей, не сговариваясь, его все дружно прозвали Черным рыцарем.

В этот же вечер Нильс старался дать последние дельные советы и важные наставления за легким ужином:

– В общем, просто делай, что ты знаешь и ни о чем не думай.

– Легко сказать…

– Знаешь, сейчас я понимаю, что всегда проигрывал, потому что слишком много додумывал. Я смотрел на турнир немного снаружи, даже будучи внутри него главным участником.

– Что ты имеешь в виду? – прожевывая очередную котлету, спросил нахмурившийся Томас.

– Я больше думал о том, смогу ли я победить, чем просто сражался. Я больше мечтал о тех сокровищах, славе и женщинах, что получу после победы, чем смотрел на соперников, которые были прямо перед глазами и в итоге легко пользовались моей расхлябанностью.

– Женщины? Неужели?!

– Не смешно. Я проигрывал, будучи действительно подготовленным лучше всех.

– Это обидно.

– Да. Поэтому просто выключи мозг и сконцентрируйся на бое с соперниками. Ты всему научен. Дай своим навыкам естественный выход.

– Что-то еще?

– Пожалуй, ты уже все знаешь и умеешь. Повторюсь, осталось выключить голову и делать свое дело, чем бы оно ни закончилось.

Однако мотивация Томаса была на порядок серьезней, чем у легкомысленного молодого Нильса. Как итог, селянин опять не смог быстро уснуть в ночь перед важнейшим событием. Как его в Школе не тренировали легко засыпать в самых экстремальных условиях, необычайная значимость и сложность предстоящего турнира никак не могли позволить успокоиться и расслабиться. Томас отчетливо понимал, что, будучи простым участником турнира, вряд ли имел такую проблему с пожирающим нервы волнением, отчего его шансы были бы предпочтительнее. Но вся его жизнь зависела от одного завтрашнего дня, и потому он ничего не мог с собой поделать, продолжая переживать и раздраженно ворочаться в кровати.

* * *

Толком не выспавшись, Томас привел в порядок свои вычурные доспехи, снарядил в тяжелую конскую броню отдохнувшего Вектора и в сопровождении своей приемной семьи молча пошел на Арену. В затхлом и темном помещении под трибуной уже разминались претенденты на титул чемпиона. Отовсюду раздавался скрежет и бряцание металла, то и дело слышались вздохи и вскрики, а снаружи доносился радостной шум прибывающей толпы.

Приготовившись к первому туру, Томас уселся на длинную лавочку в ожидании своей очереди, где рядом с ним оказался тот самый загадочный Черный рыцарь. Отвыкший за последние месяцы от роскоши селянин долго его разглядывал и не смог сдержать восхищения от качества и дороговизны его покрытых мелким орнаментом доспехов:

– Дорого?

– Смотря для кого, – лаконично и четко ответил незнакомец и демонстративно отвернулся, опустив вытянутое вперед забрало своего жуткого шлема.

– Есть все-таки жизнь и за Стеной…

В это время снаружи раздался торжественный звук фанфар, знаменующий прибытие всеми любимого короля в сопровождении свиты. И долгожданное событие, главное развлечение чопорной столицы, началось с громкого традици-

онного приветствования жюри:

– Да здравствует король!

– Да здравствует Парфагон! – ответила ему многотысячная аплодирующая толпа зрителей.

Спустя некоторое время, дождавшись пока высокие гости усядутся в своем шатре на подиуме, ищущих удачу воинов стали попарно вызывать наружу. Взяв арбалеты, они нарочито уверенно, боясь показать слабину соперникам, браво выходили под дробь барабанов и через несколько минут только один из них, как правило, весьма довольный, возвращался под шум аплодисментов. Томас оказался в двадцать седьмой паре, почему ему пришлось томительно долго ожидать своей очереди. Это привело к самым разным абсолютно ненужным мыслям, дурацкому самоедству, лишнему волнению и затем резко обволакивающей усталости, будто молодой организм пытался защитить себя от скорой бесполезной опасности, коварно усыпив беспокойный разум.

Вдруг сквозь глубокую приятную дрему он услышал свое имя и быстро вскочил, озадаченно и глупо оглядываясь по сторонам. Впопыхах схватив чей-то чужой арбалет, Томас растерянно выбежал на залитую солнцем Арену, чуть не оглохнув от звонких барабанов, которые его встретили у ширмы в подтрибунное помещение.

– Томас Юрг. Округ города Салеп, – торжественно объявил под аплодисменты зрителей председатель жюри в ярко-красной куртке, широкополой шляпе с перьями и колгот-

ках. – Самый юный участник. Всего восемнадцать лет.

Как и было рассчитано, сверкающие на утреннем солнце зеркально отполированные стальные вставки на доспехах, шлеме с декоративными соколиными крыльями и висящем на поясе мече, а также ярко-желтая волочащаяся по песку накидка, вызвали одобрительные возгласы зрителей, чья женская часть внимательно следила именно за этим маскарадным элементом турнира. Многие из них предпочитали закрывать глаза или отворачиваться во время непосредственных сражений, считая их ненужным и бессмысленным развлечением глупых мужчин.

Когда слипшиеся сонные глаза наконец привыкли к яркому свету, Томас обнаружил себя в центре песочной полукруглой площадки, со всех сторон которой на него смотрели тысячи ликующих жителей некогда родного Парфагона. Где-то в бушующей толпе он расслышал подбадривающие крики своих друзей по Школе. Вскоре смог разглядеть Нильса, Маргариту, Ричарда со своей семьей, поздоровевшего Алена и Марию, которая была в длинном платье из синего шелка, крайне выигрышно облегающего ее извилистую фигуру и переливающегося белым отблеском на солнце. Как всегда, все другие благочестивые дамы на заполненных трибунах тоже были броско наряжены по самому последнему писку моды, пытаясь удивить будущих и действующих кавалеров, расстроить несчастных бывших и попытаться вызвать смертельную зависть подлых соперниц.

Внезапно рассеянный Томас обнаружил, что на трибуне почему-то нет Альберта Третьего и его неотступной свиты. Однако, услышав нарастающий неодобрительный свист, быстро догадался, что все это время стоял спиной к самым влиятельным и уважаемым людям Парфагона. Резко обернувшись, он увидел на подиуме конусообразный синий шатер, в котором теснилась группа дорого одетых общающихся друг с другом людей, явно не особо интересующихся происходящим на площадке прямо перед их носами. По центру, почти у ближнего края, возвышалось два широких кожаных кресла, на которых под усиленной охраной восседал гордый король и утонченная принцесса. Вытянутая тринадцатилетняя Элизабет, облаченная в легкое белое платье, выглядела немного старше своего юного возраста, а ее длинные, ничем не покрытые белые локоны развевались на порывистом ветру, обнажая нежную шею, украшенную скромным жемчужным ожерельем. Ее всемогущий отец был одет в коричневый камзол и такого же цвета плотные колготки. На его ногах красовались черные туфли с вытянутым носком, а на широком кожаном поясе висел позолоченный кинжал. Он был высоким, бородатым на вид сорокалетним брюнетом с небольшим лишним весом, что, судя по всему, умышленно поддерживалось для придания дополнительной солидности. У него были добродушные и умные серые глаза, а красивая улыбка редко сходила с его уст.

Взглянув с любопытством на других высоких особ под

шатром, удивленный Томас осознал, что многих женщин он откуда-то уже знает. Задумавшись о возможной причастности жизнелюбивого Нильса, все еще заторможенный Томас вдруг вспомнил, что ведь где-то должен быть еще и соперник, который действительно все это время с надеждой быстрой победы снисходительно любовался им со стороны.

Как и все туры, арбалетная дуэль была достаточно опасна. На живот соперников повесили круглые красные мишени из трухлявого дерева, развели по разным сторонам и выдали затупленные стрелы. Задача состояла в том, чтобы первым поразить мишень соперника трижды. При этом запрещалось двигаться и поворачиваться. Состязание было на скорость, меткость и смелость, которые были необходимы любому рыцарю в реальном бою с вечно спускающимися с вулкана мутантами.

Внезапная стрела, с глухим и резким толчком вонзившаяся в мишень на Томасе под эмоциональный возглас жаждущих крови трибун, наконец его окончательно отрезвила. Хотя своей первой стрелой из чужого арбалета он вынужденно промахнулся, чуть не пробив забрало соперника, все следующие выстрелы успел выпустить точно в цель за мгновение до того, как сам получил третью стрелу. Это оказалось результатом изнурительных тренировок с мудрым охотником, да и не зря стрельба из лука была его любимым развлечением еще в детстве. Под одобрительные возгласы зрителей и перенервничавших друзей, судья в красных колготках объявил

взбодрившегося Томаса безусловным победителем и отправил его обратно в подтрибунное помещение. По пути он заметил, как радуются среди зрителей Мария и его близкие. Расстроенный же соперник, предчувствовавший такую легкую победу, тяжело вздыхая, побрел к своим многочисленным болельщикам, обескураженным таким быстрым его поражением.

Вторую арбалетную дуэль, также занявшую не больше минуты, уже со своим привычным оружием Томас без проблем выиграл спустя некоторое время, завершая этим поединком первый тур. После длительного перерыва, необходимого высоким гостям на плотный обед и беззаботный отдых, возобновившийся турнир продолжился долгожданной конной дуэлью на копьях. Томасу и его снаряженному в броню Вектору достался пижон в непрактично обшитых синей тканью доспехах и облаченный в такую же синюю накидку с вышитым гербом Парфагона по всей ее площади. Под его седлом дергался немного глупый черный жеребец в избыточно тяжелой броне, которого все время приходилось с большим трудом сдерживать на одном месте со стороны противоположных трибун.

Судья дал команду, и соперники с огромной скоростью помчались к центру площадки, выставив затупленные копья вперед. Когда они поравнялись друг с другом, модный пижон столь же красиво, как его праздничное одеяние, скувыркнулся со своего нервного коня под охи зрителей, при этом с

громким хрустом сломав копье победителя. Благодаря грамотным тренировкам опытного Ричарда, также легко травмировав следующего соперника в потертых доспехах, Томас окончил свой второй тур. Одержав уже четыре победы, он вышел в полуфинал, где его ждал зрелищный бой на мечах.

Ожидая в подтрибунном помещении поединка с огромным как скала воином, между делом, действующим чемпионом, который постоянно бросал угрожающие и насмехающиеся взгляды из-под поднятого забрала, Томас с удивлением обнаружил, что поразительный Черный рыцарь также прошел все туры. Это означало, что они могли встретиться в финале, если оба одолеют своих соперников. Ситуация сложилась достаточно необычно, и потому в королевском шатре назревал скандал, сулящий больше проблемы военачальникам. Чуть ли не впервые в завершающем туре присутствовали чужаки, которые могли выиграть весь турнир, нанеся непоправимый удар по репутации и Академии, и короля лично.

Наконец, оказавшись лицом к лицу со своим грозным соперником на глазах у бушующей толпы, слегка улыбающийся Томас на этот раз не испытывал никого волнения. Опытный Нильс знал все секреты турнирного боя на мечах, поэтому огромные размеры и разъяренность полностью покрытого латами рыцаря казались большим подарком. Хотя он, бесспорно, был сильнее и наверняка лучше владел своим холодным оружием, у Томаса стояла задача лишь вытерпеть

первые пару минут, ловко уворачиваясь от акцентированных ударов, максимально дергая соперника и беспрерывно передвигаясь по тягучему песку по всей ширине площадки.

Как справедливо и ожидалось, рычащий массивный чемпион уже после нескольких насыщенных атак быстро полностью измотался и начал откровенно опускать меч все ниже и все чаще, став до смешного легкой добычей. Под смех зрителей, сокрушив звонким ударом по голове и так еле стоящего на ногах громилу, огорошенный Томас впервые осознал, что теперь находился всего в одном небольшом шаге от заветной цели. Волнение усилилось еще больше, когда, уходя на отдых в подтрибунное помещение, он столкнулся с идущим навстречу совершенно уверенным в себе Черным рыцарем, который спокойно надевал на голову свой жуткий шлем. Он был хладнокровно сконцентрирован, не проявляя ни единой отвлекающей эмоции, будто и не человек вовсе.

Пытаясь отдышаться, задрожавший Томас старался сфокусироваться, но предательская мысль, что уже через несколько минут он сможет лично попросить самого великого короля Альберта Третьего о его принятии в такую вожделенную Академию, что гарантированно позволит в будущем отомстить мутантам и найти любимую сестру, не могла освободить его разум, да и все его настрадавшееся существо в целом, что бы он не предпринимал.

Совершенно неожиданно его почти сразу же попросили снова на выход. Выяснилось, что каким-то невероятным об-

разом Черный рыцарь уже одолел своего могучего соперника, причем нанеся серьезную проникающую травму ноги, и ему прямо на площадке уже оказывали первую помощь. На трибунах стоял гул от эмоциональных разговоров зрителей, а в шатре бушевал обычно спокойный и добрый Альберт, понося самыми отборными ругательствами всех своих высокопоставленных приближенных, наконец переставших разговаривать друг с другом. Сенсационно ни один действующий рыцарь не вышел в финал Королевского рыцарского турнира, в результате чего титул и главный приз впервые покинут непобедимый доселе Парфагон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.